

*Я помню
её такой...*

*Вера Желиховская
Моя сестра — Елена
Блаватская*

Правда о мадам Радда-Бай

Вера Петровна Желиховская

Радда-Бай: правда о Блаватской

Аннотация

«Для нас, русских людей, они представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбужденное во всем мире русской женщиной, без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли. Того нравственного значения, за которое ее прославляют на Западе, провозглашая борцом за жизнь загробную, за главенство в человеческом бытии духа, за ничтожество плоти и земной жизни, данных нам лишь как средство усовершенствования бессмертной души нашей, как противницу материализма и поборницу духовных начал в человеке и природе, — в России она иметь не может...»

Вера Петровна Желиховская

Рада-Бай (правда о Блаватской)

Искать и добиваться правды во всё.

Стремиться к достижению возможного человеку усовершенствования.

Расширять его научные и философские понятия.

Стремиться к международному братству: водворение всеобщего мира и упрочение человеколюбия и бескорыстия между всеми людьми, в ущерб всем личным чувствам и расчётам.

Е. П. Блаватская

I

Елена Петровна Блаватская, рожденная Ган, более известная у нас в России под литературным псевдонимом Радды-Бай, под которым в восьмидесятых годах писала свои талантливые очерки Индии[1], была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. В России ее деятельности и ученых трудов («Разоблаченная Изида», «Тайная доктрина», «Ключ к теософии», «Глас молчания», «Перлы Востока», «Словарь теософических терминов») и разнообразных статей в ее лондонском журнале «Lucifer»[2], в индийском «The Theosophist»[3] и множестве английских и французских изданий, почти не знают. Для нас, русских людей, они представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбужденное во всем мире русской женщиной, без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли. Того нравственного значения, за которое ее прославляют на Западе, провозглашая борцом за жизнь загробную, за главенство в человеческом бытии духа, за ничтожество плоти и земной жизни, данных нам лишь как средство усовершенствования бессмертной души нашей, как противницу материализма и поборницу духовных начал в человеке и природе, — в России она иметь не может. Она могла приобрести такое значение и влияние на умы человеческие лишь там, где потрясены устои христианства, либо где они совсем неведомы. Мы же, ее соотечественники, не погрязшие, благодарение Богу, в нелепице западного материализма, можем только воздать должное ее уму и знаниям вообще, а затем ее литературному таланту, хотя бы в той мере, насколько он проявился в нашей русской прессе.

Елена Петровна была дочерью известной русской писательницы, Елены Андреевны Ган, рожденной Фадеевой[4], когда-то названной Белинским «русской Жорж Занд»[5]. Отец Елены Петровны, командуя батареей конной артиллерии, вел военную, кочевую жизнь, отразившуюся на раннем воспитании девочки[6].

Когда, по смерти матери, её родные, Фадеевы и Витте, взяли сирот к себе на воспитание, Елена Петровна никогда не могла привыкнуть к обычному распределению занятий с учителями и гувернантками, которых постоянно приводила в отчаяние непокорностью рутине и в восторг остротой ума и способностей, в особенности филологических и музыкальных.

Все свойства её характера отличались решительностью и более подходили бы мужчине, чем женщине. Энергия никогда не покидала её в трудностях и опасностях необычайной жизни её. С детства у нее была страсть к путешествиям, к смелым предприятиям, к сильным ощущениям. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла самостоятельно, сама себе прокладывая пути, задаваясь независимыми целями, презирая условия света, решительно устраняя стеснительные для ее свободы преграды, встречавшиеся на пути... В семнадцать лет она вышла самовольно замуж за человека, годившегося ей в отцы, и через несколько месяцев, не задумываясь, его бросила, уехала неведомо куда и почти десять лет исчезала так, что даже родные годами не знали о ее местопребывании...

Близким своим она сознавалась, что затем только и обвенчалась с Н. В. Блаватским[7], чтобы «быть свободной» от контроля родных.

Большую часть молодости Блаватская провела вне Европы; несколько лет жила в северной Индии, изучая языки, санскритскую литературу и те отвлеченные знания, которыми славятся индийские Радж-Йоги[8], и за которые впоследствии ей пришлось много поплатиться. Слишком усердные последователи, прославляя ее какой-то чародейкой, дали повод врагам упрекать ее в обманах и называть шарлатанкой...

Соскучившись по своим родным, Блаватская возвратилась в Россию ровно через десять лет, в 1859 году. Сначала она приехала ко мне, сестре своей, и отцу нашему в Псковскую губернию, а потом к родным матери в Тифлис. Она возвратилась из своих странствий человеком, одаренным исключительными свойствами и силами, проявившимися немедленно и поражавшими всех ее окружающих. Она оказалась сильнейшим медиумом[9], состояние, которое она впоследствии сама сильно презирала, считая его не только унижительным для человеческого достоинства, но и очень вредным для здоровья. Позже ее психические силы, развернувшись, дали ей возможность подчинить своей воле и контролировать внешние проявления медиумизма. Но в 27 лет они проявлялись помимо ее воли, редко ей повинаясь. Ее окружали постоянные стуки и постоянные движения, происхождение и значение которых она тогда еще не умела объяснить.

— Сама не знаю, что за напасть такая! — говорила она. — Пристала ко мне какая-то сила, из Америки я ее вывезла. Мало того, что кругом меня все стучит и звенит, но вещи движутся, подымаются без толку и надобности... Да и кроме того, осмысленные проявления выказывает: в разговоры стуками мешается и на вопросы отвечает, и даже мысли угадывает. Чертовщина какая-то!

Тогда американские теории, завезенные на практике в Петербург Юмом[10], уже всем были известны. Тем не менее, мало кто имел в России случай видеть медиумические проявления на деле.

Удивительные свойства Блаватской наделали такого шума в Пскове, что и поныне, более чем 30 лет спустя, старожилы помнят ее кратковременное в нем пребывание.

В особенности, поражали осмысленные ответы на задуманные вопросы; такое всезнание сил, орудовавших вокруг Блаватской, и в то время уже дало ей прозелитов[11] из среды завзятых скептиков, гораздо более, чем движение неодушевленных предметов и постоянно видимые ею «тени», которые она описывала, тени, оказывавшиеся верными портретами умерших лиц, которых она сама никогда не знала, но присутствовавшие узнавали постоянно по ее описаниям.

Скоро Псков и отчасти Петербург, как позже и весь Кавказ, заговорили о «чудесах», окружавших Блаватскую.

На нее приезжали смотреть как на диво, ее атаковали письмами и просьбами, и самыми нелепыми требованиями, которым она благодушно подчинялась, позволяя себя связывать, класть на мягкие подушки и принимать всякие меры к предупреждению обмана. Что не мешало отнюдь всему вокруг нее звонить, стучать и ходнем ходить. Эти проявления всегда бывали, даже во время сна и болезненного беспамятства Елены Петровны.

В особенности не стало границ толкам, когда с помощью ее «духов» (так называли все эти проявления) был открыт убийца, совершивший преступление в окрестностях моей деревни, села Ругодева, где мы проводили лето[12]. Духи ее прямо называли имя преступника, деревню и дом мужика, где он скрывался, недоумевавшему становому, который тотчас туда поскакал и там нашел его действительно и арестовал.

С ужасом и презрением к своему тогдашнему «бессмысленному, произвольному медиумизму» вспоминала впоследствии Елена Петровна об этом времени. Через несколько лет она совершенно покорила своей воле эти силы, вредные свойства и нечистое происхождение которых она определяет в сочинениях своих с полной уверенностью в своей правоте, хотя может быть и ошибочно.

На следующий год Блаватская уехала в Тифлис. По дороге, именно в Задонске, у обедни, ее узнал преосвященный Исидор, бывший Экзарх[13] Грузии, впоследствии митрополит С. Петербургский, находившийся проездом из Киева. Он знал ее еще в Тифлисе и прислал служку[14] звать ее к себе. Преосвященный расспрашивал ее ласково, где и как она странствовала, куда едет и пр. Заметив вскоре окружающие ее феномены, владыка обратил на них внимание. С большим интересом расспрашивал, задавал вопросы мысленно и, получив на них толковые ответы, был еще более изумлен...

На прощание он благословил ее и напутствовал словами, которые навеки остались ей памяты и дороги как мнение, об исключительном даре, ее преосвященного Иерея[15] православной церкви. Он сказал: «Нет силы не от Бога! Смущаться ею вам нечего, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам... Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества... Бог да благословит вас на все хорошее и доброе».

Е. П. Блаватская прожила на Кавказе (где протекала ее ранняя юность) еще года четыре. Ее талантливая, подвижная натура постоянно требовала новой деятельности, новых интересов и занятий. Довольствоваться обычной, заурядной средой, бесцветным существованием большинства женщин ей было немыслимо. Она искала целей разнообразных, как рыба ищет воды, а вольная птица — воздушной шири, без пределов и препон ее своеобразному полету.

Она всю жизнь, можно сказать, металась, разыскивая что-то, стараясь выбиться на вольный свет из уз и оков, ее стеснявших. Всегда неудовлетворенная, она хваталась за то и другое и, вновь обманутая надеждой, бросала начатое предприятие и стремилась в погоню за новой приманкой.

Эти стремления к неведомому, долго не дававшемуся ей, чему-то отвлеченному, неуловимому, ей самой непонятной вначале задаче, выполнение которой лежало на ней тяжелым и требовательным сознанием возложенного на нее долга, — прекратились лишь с появлением на ее горизонте интересов, возбужденных Теософическим учением.

Тогда она сразу остановилась, как блуждавший корабль, нашедший, наконец, верную пристань, останавливается и уверенно опускает свой якорь. Этому делу она была верна всю жизнь. Она отдала ему здоровье, время я всю душу, в нем узнав, наконец, то дело, которому была предназначена, в котором, ей казалось, она нашла достойную всех усилий цель: распространение между людьми всех сословий и рас веры в единство духовных сил человечества, в познание теософии — древнейшей религии разума. — Идеалы и вера почти везде утрачены! «Лженаука их уничтожила», — говорила она.

— Люди нашего века требуют научного оплота, научных доказательств бессмертия духа: древняя эзотерическая[16] наука — Оумная[17] религия (Aum) — как называли ее наши православные отцы церкви (от санскритского корня слово Оум — Высшая Сила) — даст им их!

Но все это пришло гораздо позже. Всю молодость Елена Петровна бросалась из места в место, от одного дела к другому, не находя занятия по душе. Надо принять во внимание, что в те годы женская деятельность была явлением не столь обычным, как ныне, но она не держалась рутины и умела преодолевать препятствия.

Она была великая искусница в рукоделиях, умела прекрасно делать искусственные цветы; одно время у нее была целая мастерская и шла очень успешно. Потом она занималась торговлей в более обширном смысле: сплавом леса, орехового наплыва за границу. Для чего даже переселилась в Мингрелию, на берега Черного моря.

Еще позже она занялась каким-то дешевым способом добывания чернил. И это у нее спорилось недурно. Она впоследствии перепродала его.

В 1864 году она снова уехала на юг России, потом в Грецию и, наконец, в Египет. Там она, еще не дойдя до заключений о зловредности спиритических занятий[18], очень увлеклась составлением местного общества спиритов, во время сеансов которого происходили замечательные явления, засвидетельствованные не раз местными газетами.

Для близких ее этот период пребывания Блаватской в Каире ознаменовался первым проявлением ее способностей видеть умерших в самый день их кончины, что в последующей жизни с нею бывало постоянно. Никто почти в семье или из ее близких не умирал за тысячи верст от нее для нее неведомо: она всегда видела их и в тот же день писала об этом явлении своим, осведомляясь о подробностях смерти.

«Правда ли, что безрукий Петр умер?» — писала она мне, ничего еще не зная о кончине этого слуги семейства нашей матери, на другой день после события. «Я видела его... Представь себе, у одной нашей англичанки, медиума, писавшей карандашом на гробнице Фараона, вдруг появились фразы на языке, которого никто из ее спутников прочесть не мог. Я была в стороне и подошла как раз вовремя, чтоб помешать исполнению их намерения бросить исписанную непонятными каракулями бумажку и прочесть на ней следующее русское послание ко мне: «Барышня! Барышня! Помогите! Помолитесь обо мне! Пить хочу! Мучаюсь!...». По этому названию (барышня) я догадалась, что это пишет кто-нибудь из Фадеевских наших людей и сама взяла карандаш...».

Писавший назвался Петром Кучеровым; объявил ей, что умер накануне, в богадельне, куда я поместила его вместе с его братом, когда эти люди остались беспомощными инвалидами после смерти старших членов семьи Фадеевых и отъезда из Тифлиса. Петр объяснил ей, что и брат его недавно умер, и все это оказалось вполне, число в число, верно. Этот бедный человек был при жизни горький пьяница и, если верить показаниям его, по смерти был наказан мучительной жаждой, воздаянием за свой грех.

После сеанса Елена Петровна видела его самого и подтвердила это в том же письме, которое она писала в Египте, тогда как человек этот умер накануне в Тифлисе. Надо сказать, что и телеграфов тогда еще на Кавказе не было, если бы и вздумалось кому-либо ими воспользоваться для таких, никому неинтересных сообщений.

II

В 1873 году Е. П. Блаватская уехала в Америку. Англичанин Синнетт[19], ее биограф, в книге «Случаи из жизни мадам Блаватской», утверждает, что у нее уже и тогда «были постоянные психические сношения с ее учителями оккультизма в Тибете и на Цейлоне», что, только послушная их велениям, она всегда готова была к переездам из страны в страну... Прав ли он? Зависит от мнений верующих или скептиков. Но факт тот, что едва она попала в этот рассадник спиритизма, где уже в то время проявлялись феномены материализаций, как все ее письма переполнились скорбью и негодованием по этому поводу. Посещение ею «Коттеджа Вермон» братьев Эдди, о которых полковник Г. С. Олькотт[20] написал целую книгу под заглавием «Люди с того света»[21] кажется, было последним камнем на весах мнения Блаватской о спиритизме. Она начала писать статью за статьёй в американских журналах, указывая опасность медиумизма. Письма ее переполнялись раздражением против злоупотреблений спиритов силами и здоровьем медиумов, и людским суеверием.

У братьев Эдди Елена Петровна впервые встретилась с ярым спиритом, полковником американской службы, сражавшимся за свободу невольников, Генри С. Олькоттом, и скоро успела его привлечь к своему мнению. Оба ярые противники материализма, они не отрицали пользы, принесенной огрубевшему в безверии миру, неожиданным вторжением в него спиритизма, но находили, что роль его должна ограничиться обращением общества к вере в «нечто, не снисшееся нашим мудрецам»[22], но не ввергать их в другую крайность, — в суеверие и «в вызывание дурных сил, иначе говоря, в черную магию...».

«Какие мы спириты, Бог с вами! — писала она своим родным. Если я примкнула к составляющему здесь обществу теософистов — ветви индийского Арийского[23] братства, — именно потому, что они честно борются с предрассудками и с злоупотреблениями лжепророков буквы, жрецов Калхасов[24] и с бреднями спиритов. Мы, пожалуй, спиритуалисты, да и то не на американский, а на древнеалександрийский лад...».

Вскоре в американских газетах стали появляться похвалы её статьям. Разбор ее печатной полемики с профессором Хаксли[25], проповедником материализма, наделал шуму. В то же время она задумала писать свой первый ученый труд «Разоблаченная Изида». В письмах же ее начали все чаще и решительнее появляться намеки, что не ей принадлежит то, что она пишет; что сама она не понимает, что с ней творится. Но для нее вполне очевидно, что говорит она и пишет об ученых и отвлеченных предметах не сама от себя — потому, что она в них «ни бельмеса не понимает», — но внушает ей и «диктует некто, знающий всё».

Эти странные проявления неведомо откуда в сорок лет осенивших ее научных знаний, в соединении с такими необычайными указаниями на какое-то «вселение», очень тревожили близких Е. П. Блаватской... Они, одно время, положительно опасались за ее рассудок.

«Скажи мне, милый человек, — писала она тетке своей,[26] — интересуешься ли ты физиолого-психологическими тайнами? А ведь все это для любого физиолога удивительная задача. У нас в обществе есть очень ученые члены (например, профессор Уайльдер[27], археолог-ориенталист) и все они являются ко мне с вопросами и уверяют, что я лучше их знаю и восточные языки, и науки, положительные и отвлеченные. Ведь это факт, а против факта не пойдешь, как против рожна!.. Так вот, скажи ты мне, как могло случиться, что я до зрелых лет, как тебе известно, круглый неуч, вдруг стала феноменом учености в глазах людей действительно ученых?.. Ведь это непроницаемая мистерия!.. Я — психологическая задача, ребус и энигма[28] для грядущих поколений, сфинкс... Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни, я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии — как есть понятия не имела — теперь пишу обо всем этом диссертации. Вхожу с учеными в диспуты и выхожу победительницей... Я не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, потому что я не понимаю, как это делается!.. Все, что я ни читаю, мне кажется теперь знакомым...

Я нахожу ошибки в статьях ученых, в лекциях Тиндаля[29], Герберта Спенсера[30], Хаксли и других... У меня толкутся с утра до вечера профессора, доктора наук, теологи. Входят в споры — и я оказываюсь права... Откуда же все это? Подменили меня, что ли?».

В то же время она присылала вырезки из разных газет, которые подтверждали ее словесные и печатные победы над различными авторитетами и, кроме того, возвещали свету массу таких невероятных фактов об оккультических, феноменальных свойствах и способностях основательницы Теософического Общества, что людям здравомыслящим было невозможно им верить. «Феномены» — попросту чудеса, которые в целых книгах расписывают приверженцы её, Олькотт[31], Джедж[32], в последствии Синнетт и многие другие, — вместо славы доставили Блаватской только горе и обвинение в шарлатанстве и обманах. Воистину услужливые друзья оказались опаснее врагов. Они только возбудили недоверие к своему учению и его представительнице, прославляя то, что она сама всегда презрительно называла «psychological tricks» («психологическими фокусами»), известными в Индии сотням людей...

Враги, которых, понятно, у нее было множество, воспользовались неосторожностью приверженцев Блаватской, обвиняя ее в «этих фокусах», тогда как если б о них никто и не знал, это нисколько не повредило бы ее делу и уж никак не уменьшило бы достоинств ее сочинений. О них нет двух мнений: и друзья, и враги сходятся в признании их гениальности. Первый ее капитальный труд «Разоблаченная Изида»[33] вызвал сотни лестных отзывов[34] в американской, а позже и в европейской прессе. Мало русских людей читало эти два толстейших тома с целыми колоннами мельчайших ссылок на писателей всех стран. Но тем знаменательнее факт, как удивительно сошлись мнения об этом классическом сочинении Блаватской двух выдающихся в России деятелей: архиепископа армян преосвященного Айвазовского[35] и нашего талантливое писателя Всеволода Сергеевича Соловьева. Первый, как только прочел «Разоблаченную Изиду», а вместе с ней книгу Синнетта «Оккультный мир», переполненную рассказами о «феноменах», тотчас написал мне, что, по его мнению, «выше феномена появления такого сочинения из-под пера женщины» — и быть не может»; а второй (г. Соловьев) пишет от 7 июля 1884 года из Парижа почти то же: «Читаю вторую часть «Изиды» и совершенно убеждаюсь, что это феномен!»[36]

По-нашему и этих двух свидетельств для нас, русских, достаточно, чтобы доказать, что книга эта имеет неопровержимые достоинства.

III

Наступила война наша с Турцией[37], и не стало покоя Елене Петровне. О! Какие громовые статьи писала она в американских газетах конца 1876 и весь 77 год, против иезуитства католиков, против враждебных выходок папы на славян. Как она болела душой, каждым фибром, каждой каплей своей русской, православной крови, за кровь своих соотечественников. Письма ее того времени не чернилами, а кровью и слезами писаны.

Великолепно перевела она тургеневский «Крокет в Виндзоре»[38] на английский язык, и было это стихотворение перепечатано в нескольких газетах. Поляки нью-йоркские не давали ей покоя своими антироссийскими сходками. Появление же знаменитой папской речи о том, что «схизм»[39], чем скорее подавлен, тем лучше», и что «рука Божия может руководить и мечом башибузука[40]», — уложила её в жару и бреду от негодования.

Поправившись, она разразилась рядом таких язвительных статей на папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский нунций[41] счел благоразумным ее задобрить и прислал парламентаря. Разумеется, парламентар не был принят, а следующая статья Елены Петровны еще расцвятилась описанием этого визита «доморощенного» иезуита... Среди вечного беспокойства за ход войны, за своих близких[42], в ней принимавших участие, Блаватскую даже не радовали громкие статьи о ее книге, лестные письма к ней таких людей, как Лайман Джон Дрэпер[43], как Альфред Расселль Уаллас[44], и рецензии этого соперника Дарвина на ее «Изиду»... «Я поражен вашей эрудицией, — писал ей Уаллас, Вы положительно открыли мне новый, непредвиденный мир, с точки зрения, которая мне объяснила многое, донныне непонятное...».

Этой осенью Блаватская несколько раз была встревожена видением двоюродного брата, Александра Витте (в то время майора Нижегородского драгунского полка), в крови, с перевязанной головой. К несчастью видение это предшествовало истине. 2 октября 1877 года он просто чудом спасся от гибели. Но при этом был контужен в голову так сильно, что едва не умер. Контузия оставила роковые последствия, вечные головные боли, осложнившие через несколько лет болезнь, от которой А. Ю. Витте и скончался в 1884 году.

Несказанно радовали Елену Петровну успехи русского оружия, за которыми она жадно следила; гораздо больше, чем ее собственные преуспевания. Это явствует из ее писем в Россию. Взятие Плевны, например, заставило ее разразиться восторженно радостным посланием к родным; тогда как присылка ей из Англии в то же время диплома на почетное масонское звание вызвало умеренное удовольствие и — юмористическое письмо:

«Слушайте, братьцы! — пишет она. — Посылаю вам курьез: масоны Англии, главой коих состоит принц Уэльский прислали мне диплом за мою «Изиду»... Я, значит, нынче — «Таинственный Масон»!.. Того и жду, что за добродетели мои меня в папы Римские посадят... Посылаю вырезку из масонского журнала. А орден очень хорош, — рубиновый крест и роза».

Еще ранее европейских масонов, ей прислала диплом на членство старейшая в мире (еще дохристианская) Ложка Бенаресского общества Сат-Бай на санскритском языке с изображением браминских знаков.

Вскоре после заключения мира нашего с Турцией Елене Петровне Блаватской пришлось волей-неволей принять американское гражданство. Один американец, умирая, завещал ей свое имение с тем, чтобы она приняла его. Это была простая формальность, но она ужасно взволновала ее.

«Сейчас вернулась из Верховного Суда»[45], где принимала присягу в верности Американской Республике, — писала на. Теперь я равноправная с самим президентом Соединенных Штатов гражданка... Это все прекрасно; такова моя оригинальная судьба.

Но до чего же противно было повторять за судьей тираду, которой я никак не ожидала, — что-де, я, отрекаясь от подданства и повиновения Императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединенных Штатов Америки...». «Ужасно мне жутко было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Приятно! Только как же это я перестану любить Россию и уважать Государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить».

И точно, всю жизнь она, какой была горячей патриоткой, такой и осталась. Приняв гражданство, она еще долго продолжала, как и во все время войны, присылать деньги на русских раненых, и даже первые выручки, полученные за «Изиду», пошли на ту же цель. Все, что получила она в то время за статьи в русских газетах, все шло целиком на Красный Крест и на бараки кавказских раненых.

IV

Весной 1878 года с Е. П. Блаватской случилось странное происшествие, она неожиданно упала в обморок, продолжавшийся несколько дней. Ее сочли умершей и собирались хоронить, когда из Индии была получена Олькоттом телеграмма от того человека, которого она считала внушителем всех своих знаний и называла «учителем». Он писал: «Не бойтесь, она не умерла и не больна, но заработалась. Тело ее требовало отдыха. Будет здорова». В начале пятых суток Блаватская пришла в себя и действительно оказалась совершенно здорова.

После этого представители Теософического Общества, оставив его в Америке на попечение Джеджа (который и поныне его президент), собрались и переехали в Индию. Они мотивировали свое переселение желанием ближе изучать санскритологию и совместно работать над восстановлением первобытных верований индусов с ученым проповедником Диянандом Сарасвати[46] — великим реформатором, прозванным «Лютером Индии». Диянанд проповедовал единобожие по Ведам[47], священным книгам буддизма, писанным в древние времена, когда еще религия не была искажена многобожием, измышленным браминами, превратившими чистое и нравственное учение Будд в пеструю мифологию.

Теософическое Общество задалось собственно тремя основными целями:

- 1) основание всемирного Братства, без различия вер, рас, происхождения. Члены его обязуются постоянно стремиться к самоусовершенствованию нравственному и к посильной помощи своим ближним, — помощи духовной, а при возможности и материальной;
- 2) содействие в распространении арийских и других восточных языков, наук и знаний;
- 3) не обязательное, — изыскания в области сокровенных законов природы и психических сил человека.

Из трех этих целей лишь первая обязательна для всех; преследование второй и третьей предоставляется на добрую волю членов.

17 февраля 1879 года Блаватская и Олькотт достигли берегов Индии.[48] На пристани Бомбея братство Арья-Самадж приготовило им торжественную встречу, с музыкой, цветами и слонами.

Вот отрывок из ее юмористического письма к родным об этой встрече:

«Меня и смех, и злость разбирали, как подплыли к пароходу баркас, украшенный цветами, и лодки с музыкой. Опутали нас гирляндами так, что Олькотт стал похож на карнавального «boeuf gras»[49], а я на шарообразный рассадник лилий и роз, и с музыкой провезли на баркасе к пристани. Там новое удивление! Встретили нас местные танцовщицы, чуть не совсем голые, окружили, все время бомбардируя цветами, и провели... вы думаете к экипажу?.. Как же! — к белому слону!.. Господи! Что только стоило мне влезть по рукам и спицам голых кули[50] на эту громадину. Чуть я не вывалилась из павильона[51] на спине его, когда слон вставал!.. Других счастливцев усадили просто в паланкины, а меня с Олькоттом повезли при бубнах, литаврах и радостных кликах, как обезьян на показ, в помещение «Арья-Самадж».

Закипела неустанная работа. Олькотт все больше разъезжал, а Елена Петровна писала, по одиннадцати часов в сутки, не разгибаясь, работала. Она писала в местные газеты, посылала корреспонденции во все страны света и заготовляла материалы для задуманного журнала «Теософист».

Вначале их заподозрили британские власти в зловердных целях: в шпионстве, в пропаганде русского влияния. Над ними установили полицейский надзор; их письма распечатывали, на них косились... Блаватская выходила из себя! Писала негодующие письма друзьям своим в Лондон. Оттуда многие влиятельные лица разразились статьями в газетах и письмами к властям в Бомбей в защиту их.

Более всего действовало письмо к лорду Литтону (тогдашнему вице-королю) от лорда Линдсея, члена Королевской Академии Наук, президента Астрономического Лондонского общества.

«Ваша полиция оскрамилась! — писал он, — я сам член их общества, так вы, пожалуй, и меня за агитатора сочтете, если я приеду в Бомбей?...».

Заступничество действовало. Полицейский надзор был снят, но нареkanie привилось несмываемое. И поныне враги Теософического Общества и лично Е. П. Блаватской то и дело укоряют ее шпионством.

Несмотря на предубеждение англо-индийского общества против основательницы Теософического Общества, в особенности, как против русской, не стеснявшейся высказывать свой патриотизм,[52] она вскоре сумела занять в нём надлежащее ей место и приобрела многих друзей в среде властей, литераторов и т. н. лидеров общественного мнения.

Ее вскоре стали приглашать на рауты, обеды и на летнее гощение в местных дачных местах, — в Симле, Отакаунде и тому подобных гористых местностях. Она очень тяготилась обязательными выездами, отвыкнув от общества, от туалетов, да еще при условиях такого тропического жара и такой занятой жизни. Ради пользы дела приходилось стесняться; как приходилось, уступая настояниям «друзей», пускать в ход «натуральные феномены» — для привлечения внимания профанов к действительности оккультических сил», — все это ради пропаганды Общества... Местные газеты[53] подхватывали рассказы «очевидцев» на лету; прославляли «чудеса проповедницы теософии», составляли ей репутацию колдуньи, которая шла ей в упрек, заставляя обвинять ее в шарлатанстве, в ущербе тех истинных заслуг, которые и без них должны были ей доставить известность.

Тут ее приятель, редактор правительственной газеты «Пионер», м-р А. П. Синнетт, много погрешил против Е. П. Блаватской, без намерения повредить ей, разумеется. Напротив, думая ее прославить такими книгами, как его «Оккультный Мир», возбуждающими лишь недоверие, весьма понятное. После летних месяцев в Симле вновь были подняты враждебные толки, возбужденные статьями «Пионера», рассказывавшими невероятные случаи. Решительнее других поднялись клерикалы[54] Клерикализм — политическое направление, добивающееся первенствующей роли церкви и духовенства в политической и культурной жизни., вполне законно неприязненно относившиеся к персоналу, а тем более к основательнице Теософического Общества, как бы то ни было пропагандировавшей, хотя и весьма нравственное, но не чисто христианское учение. Стали ходить, кроме басни об агитации в пользу России, другие клеветы на Блаватскую. Одной из нелепейших было обвинение в самозванстве. Сочинили, что настоящая Е. П. Блаватская умерла и похоронена в Адене, а что это ее горничная... Пришлось ей прибегнуть к свидетельству властей и родных: к дяде ее, генералу Ростиславу Андреевичу Фадееву, и князю А. М. Дондукову-Корсакову, тогда главноначальствующему на Кавказе. Последний ей выслал свидетельство, гласившее, что муж ее был вице-губернатором в Эривани. И кроме того, написал дружеское письмо, как к старой знакомой.

Все это было опубликовано друзьями и прозелитами Елены Петровны, но их понятно было меньше, чем неприятелей и равнодушных, — в которых утверждались неприязненные к ней отношения. Последние росли, возбужденные миссионерами-иезуитами и фанатиками патриотами, по мере того, как увеличивалась популярность Теософического Общества и влияние его представителей на высшие туземные касты — на индусов, браминов и буддистов-сингалезцев, примыкавших к Обществу во множестве.

Президент Г. С. Олькотт открыто принял буддизм. На острове Цейлоне, каждый раз как они туда отправлялись, сингалезцы делали им царские приемы, хотя Елена Петровна Блаватская и настояла на том, чтобы один из основных принципов Общества, а именно свобода совести, равноправность всех религий в нем и самая широкая терпимость его членов к взаимным верованиям, и убеждениям друг друга, не был нарушен; хотя из-за этого Т. О. разошлась со своим патроном, с проповедником единобожия индусом Диянандом Сарасвати, именно вследствие его требования, чтобы в состав общества входили исключительно буддисты, — тем не менее тяготение к буддизму, в особенности в Индии, в Обществе оказалось великое. Сам его сооснователь и президент даже составил буддийский катехизис, одобренный для введения во все училища самим Сумангаллой, главным первосвященником на Цейлоне.

От всех этих беспокойств, клевет и всяких неурядиц Блаватская нравственно страдала более всех, тем более, что и климатические дурные условия на ней сказывались, увеличивая хронические ее недуги. Она болела постоянно, а несколько раз так сильно и опасно, что доктора отказывались от нее, окончательно приговаривая к смерти. Но в этих крайних случаях, по свидетельству многих очевидцев, всегда случалось что-либо непредвиденное, во спасение ее в последнюю минуту. Или являлся какой-нибудь, неизвестно кем присланный, туземный знахарь и давал ей неведомое лекарство; или просто являлся спасительный сон, из которого она просыпалась облегченной; или же за нею являлись неизвестные люди и увозили ее на некоторое время куда-то, откуда она приезжала облегченная. О таких случаях свидетельствуют десятки лиц, в присутствии которых она болела и исчезала временно; свидетельствуют также и штемпеля тех писем Блаватской, которыми она извещала о своих неожиданных исчезновениях. Передо мной, например, письмо ее из Мирута за Аллахабадом, в котором она пишет, что «получила приказание, оставив железные и торные пути, следовать за присланным провожатым в джонгли,[55] в священные леса Деобенда...».

Следующим письмом сестра меня извещала, что Лама тибетский по имени Дебо-Дургай ее излечил в этих «священных лесах».

««Я была в беспамятстве», — говорит она, — ничего не помню, как внесли меня на носилках на огромную высоту. Я проснулась на другой день под вечер. Я лежала среди большой, каменной, совершенно пустой комнаты. Вокруг в стенах были высечены изображения Будды; кругом курились какие-то кипевшие в горшках снадобия, а надо мной совсем белый старик лама делал магнетические пассы».

После того она заснула на целые сутки, и во сне ее снесли обратно с гор к друзьям, ожидавшим внизу. Так вся жизнь Е. П. Блаватской была соткана из странностей и необыкновенных происшествий.

V

Нравственные потрясения всегда отзывались на физическом ее организме. Так ранней весной 1881 г. она сильно заболела, пораженная, и до глубины души потрясенная, ужасным делом 1-го марта[56].

Она писала:

«Господи! Что ж это за ужас? Светопреставление, что ли у вас?.. Или сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему; буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Горько! Жаль Царя-Мученика, семью Царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклиная этих подлых извергов — социалистов!». «Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной, мученической смерти Царя Самодержавного такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать».

Журнал ее «Теософист» вышел в траурной обложке. Это было внимание Олькотта к ее чувствам. Сама она лежала больная...

Придя в себя, она написала в «Пионер» превосходную статью обо всем, что свершил царь Александр II, и очень была довольна тем, что большинство газет ее перепечатали.

На выражение, некоторыми местными органами удивления, по поводу «облачившихся в траур американской гражданки и ее журнала», Блаватская послала коллективный ответ в «Bombay Gazette».

«Не как русская подданная надела я траур, — между прочим говорит она в ней, — а как русская родом! Как единица многомиллионного народа, благодетельствованного тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур».

«Я этим хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти Царя моих отца и матери, сестер и братьев в России».

Прислали ей портрет царя в гробу.

«Как посмотрела я на него, — пишет она тетке своей Н. А. Фадеевой, — верь не верь, должно быть помутилась рассудком. Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и толкнуло руку и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке Его, покойника, так даже остолбенела... Это я-то, — старину вспомнила, — рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала».

Зимой, с 1881 на 1882 год, вся индийская теософическая община переехала на житье в Адьяр, прелестное местечко в предместье Мадраса. Там Теософическое Общество купило дом и землю на речке, впадающей в океан, которую Елена Петровна тотчас окрестила на русский лад Адьяркой. Так слывет она и поныне в этой штаб-квартире теософистов.

Тотчас по приезде была особенно торжественно отпразднована седьмая годовщина Т. О. На эти годовщины всегда бывают в Адьяре съезды делегатов от всех ветвей общества. Но особенно торжественны и многолюдны они бывают в те годы, где замешано число семь, чрезвычайно почитаемое теософистами по своему мистическому, издревле чтимому оккультистами, тайному значению. Все свои начинания, переезды, местожительства они всегда норовят соединить с этим «счастливым» числом.

Ранней весной 1884 года Олькотт и Блаватская собирались выехать по делам в Европу. Поэтому уже в декабре они двинулись из Адьяра в Бомбей.

В то же самое время еще раз повторилось явление, не раз уже с нею бывавшее, но всегда поражавшее близких Елены Петровны.

В Одессе, в конце декабря, скончался ее дядя, Ростислав Андреевич Фадеев. Одновременно с его кончиной она его видела три раза кряду и писала своим:

«Я еду под гнетом страшного горя: либо родной дядя умер, либо я сошла с ума!..».

Первых два видения она объяснила сном, но третье невозможно было этим объяснить.

Она ехала в Бомбей. Была одна в купе, но не спала, когда вдруг увидела его перед собою, но таким, каким был он двадцать лет тому назад. Она не только его видела, но говорила с ним...

Лишь придя в Суэц, она из газет узнала, что не была жертвой галлюцинаций, а точно (как и была в том уверена, хотя и старалась утешить себя предположениями противного), видела самого умершего.

Таким видениям (доподлинности явлений умерших, по собственной их воле, без всяких вызовов и медиумических вмешательств) она безусловно верила. Да и не могла не верить, всю жизнь их видя.

VI

Едва попав на европейский берег, Е. П. Блаватская была осаждена приглашениями из Лондона, Парижа и Германии, но отказывалась от них упорно, стараясь лишь об одном: устроить свидание с теткой своей Фадеевой и со мной.

Она писала нам умоляющие письма, призывая нас к себе в гости. Погостив некоторое время в Ницце у леди Кэтнесс, герцогини де Помар, председательницы одной из двух парижских ветвей Теософического Общества, она в мае переехала в Париж, наняв себе там отдельную, небольшую квартиру, где рассчитывала прожить спокойно. Но весть о ее прибытии скоро появилась в газетах, и ее стали осаждать друзья, знакомые любопытствовавшие и репортеры.

Желая временно спастись из этого осадного положения, она приняла приглашение своих больших поклонников графа и графини Д'Адемар,[57] живших неподалеку от S.-Denis, в прелестной вилле возле Enghien.

Там она прожила со всем своим штатом (приехавшим для свидания с нею из Нью-Йорка мистером Джеджем, со своим секретарем мистером Бертрамом Китлей, с брамином Могини Чаттерджи и слугою-индусом) три недели, о которых ее милые хозяева и все находившиеся с нею, теперь, после смерти Елены Петровны Блаватской, вспоминают с величайшим благоговением».[58]

Отдохнув на вилле Гонзаг, Елена Петровна вернулась в Париж как раз вовремя, чтобы принять меня и тетку, которым была невыразимо рада. Все шесть недель, что мы у нее гостили, она старалась отделаться от своих многочисленных преследователей — посетителей — но это ей плохо удавалось.

В то время ни в Германии, ни во Франции еще совсем не было правильно организованных ветвей Теософского Общества. В Париже, где и ныне-то не существует собственное Общество, следующее неукоснительно теориям Блаватской, а лишь несколько враждующих между собой ветвей, несогласие которых приводит в отчаяние строгих членов его в Англии и Америке, тогда почти совсем не было теософистов. Было очень много праздно любопытствовавших иностранцев — по большей части русских парижан; были и французские охотники до новинок, а между ними попадались, разумеется, и серьезные люди, ученые профессора и доктора разных наук. Из них самым выдающимся посетителем Е. П. Блаватской был астроном и талантливый писатель Камилл Фламмарион[59]. Он просиживал часто целые утра один на один с Еленой Петровной, а иногда являлся с женой и упрасивал Блаватскую ехать к ним, провести у них день.

Бывало множество так называемых «оккультистов» — ясновидящих, магнетизеров, чтецов мыслей. Полковник Олькотт, когда возвращался из Лондона и постоянных разъездов, целые дни проводил с ними в беседах и сеансах, так как сам он сильный магнетизер, известный многими замечательными исцелениями. Он также лечил и романиста Всеволода Соловьева[60], который дивился его силе. Но еще более и восторженнее дивился «феноменам» Е. П. Блаватской: звуковым, которые всем были слышны, и световым, которые он один постоянно вокруг нее видел. Г-н Соловьев, столь круто изменивший впоследствии свои мнения о теософизме и свои взгляды на его провозвестницу, в то время был ярким поклонником того и другого, предрекая ей великую славу. Всё это явствует из писем г. Соловьева к Елене Петровне Блаватской и ко мне. Он не только ждал великих благ от покровительства всемогущих «учителей» или Махатм — патронов Теософического Общества, но даже состоял в общении с ними: получал письма Радж-Йога Кут-Хуми и видел самого Радж-Йога Морию в его астральном теле[61]... Он, впрочем, видел раз и саму Е. П. Блаватскую у себя в комнате, в Париже, в то время, когда она была в Индии. Он нам рассказывал об этом явлении чрезвычайно интересно в письме от 22-го декабря 1884 г. Но надо думать, что он увлекался...

Такие излишества людей несдержанных или же лицемерных, преувеличивавших оккультические дары Блаватской, — в силу ли особой преданности ей или по расчетам, в ожидании особых благ от ее дружбы, — ей только вредили. Но тем не менее всем было очевидно удивительное развитие ее психических свойств: ее ясновидение, чтение мыслей, иногда видения того, что творилось за тридевять земель от нее. Такого рода феномены духа беспрестанно проявлялись ею, гораздо чаще еще, чем проявления ее звуковых феноменов[62] или демонстрации животного электричества.

Последним термином назывались явления, подобные нижеследующему.

Прикажет, бывало, Блаватская многим присутствующим сложить руки на руки, горкой. Сама же рукой только махнет по воздуху над этой грудой рук, и все отскочат в стороны с криком, всем казалось будто она пронзала ладони стрелой или же насквозь пригвоздила их к столу. Точно такое же болезненное ощущение она, по воле, могла производить, замахиваясь над каким бы то ни было органом человеческого тела.

Один старик, магнетизер Эвett, друг и ученик волшебника и мага барона Дюпote, говорил, что при «зложелании» таким электро-магнетическим ударом можно убить.

Такие «натуральные» феномены, как чтение закрытых писем, или же более удивительные происшествия с перемещением портретов Радж-Йога Мории и самой Елены Петровны в закрытом медальоне, с которого присутствовавшие не спускали глаз, были много раз описаны в русских и иностранных газетах и журналах. Один особенно, засвидетельствованный многими очевидцами, а именно: прочтение Блаватской психометрически, закрытого письма Е. А. Витте к сестре ее Н. А. Фадеевой и перенесение в него отпечатка теософической звезды, нарисованной красным карандашом на отдельном кусочке бумаги, очень красноречиво описан г. Соловьевым в журнале «Ребус» (1-го июля 1884 г.) под заглавием «Интересный феномен»[63].

Как и многие другие в то время, г. Соловьев добивался и жаждал «феноменов», как манны небесной... В Париже Блаватская не имела покоя от его просьб научить производить такие же, как она, электрические, звуковые и прочие проявления. А когда она уехала в конце июня в Лондон, то он ее осаждал и там письмами. И не он один! Она пишет тетке своей, например, от 7-го июля:

«Одолевают меня корреспонденты мои! Просто не знаю, что и делать с жалкими письмами влюбленных в меня людей. На половину, разумеется, я не отвечаю. Но ведь множество таких, которых я и сама люблю и которым бы я желала помочь, как Всеволоду Сергеевичу Соловьеву!..»

Позже она опять писала из Лондона, жалуясь не столько на недосуг от занятий, как на то, что ее вечно отрывают от дел. «Никогда мне и здесь не выздороветь! Это не жизнь, а какой-то безумный чад с утра до ночи. Визиты, обеды, вечера и митинги — ежедневно!.. Одна Ольга Алексеевна Новикова[64] перевозила ко мне весь сановный Лондон, кроме министра Гладстона[65], который, по словам «St. James Gazette», «столько же боится меня, как и восторгается мной». Каково? Это уж просто наваждение какое-то!..» «...21 июля было собрание в честь основателей Т. Об-ва в зале Ратуши (Princes Hall). Разослано было 1000 билетов. Ольга Алексеевна Новикова привезла представителей всех посольств, румынского князя Гику, весь штат своего преданного друга Гладстона и, наконец, Хитрово, нашего генерального консула, приехавшего по делам из Египта...» «...Вот картина, которую предоставляю вам вообразить. Зала громадная, дамы в бальных туалетах, парадные костюмы всех наций. Я сижу на подобии трона в балетах, в черном бархатном платье, с ненавистным мне хвостом в три аршина, а ко мне то и дело подводят всех желающих со мной лично познакомиться. Представьте себе, в продолжении двух часов пожимать руки и улыбаться 300 леди и джентельменам! Уф!!!» «...Государственный секретарь по делам Индии уселся возле меня и комплименты откалывал насчет любви ко мне индусов... я, было, перепугалась, чтоб и тут не приплели политического колорита...» «...Кроме всяких европейских notabilities[66], напредставляли мне кучу разных черных и желтых принцев: явайских, малайских — почему я знаю!..

А профессор Крукс с женой поместились за моим креслом, словно адъютанты, и он, то и дело, называет мне своих коллег по королевскому обществу, знаменитых ученых: физиков, астрономов и всяческих мракологов...» ...И вдруг Синнетт стал в позу и заораторствовал.

«— Леди и джентельмены! Вы видите женщину, которая совершила мировое дело. Она задумала и выполнила колоссальный план: создание целой армии культурных людей, коих долг бороться с материализмом и атеизмом, равно как и с суеверием и с невежественными толкованиями христианского учения (то есть против 137 сект скакунов, прыгунов, ревунов и тому подобных мракобесцев), посрамляющих христианский мир...» «...Взгляните, леди и джентельмены культурной Англии, на женщину, доказавшую миру что может сделать сила воли, неуклонное стремление к заданной цели, к ясно осознанному идеалу!.. Одна, больная, без средств, без покровителей, лишь с помощью своего первообращенного апостола — полковника Олькотта, m-me Blavatsky задумала соединить, в одно интеллектуальное целое, всемирное братство добровольцев всех рас и всех наций, и, вот она выполнила эту задачу! Она осилила равнодушие невежд, сопротивление фанатиков, вражду и клевету осмысленным и энергетическим выполнением своей гуманной миссии» и проч., все в таком же духе...»

Хотя друзья Елены Петровны и надеялись, что здоровье ее поправится в Европе, но она все время болела и в начале августа было опять слегла.

Случилось это в Кэмбридже. Ее там чествовали профессора университета. После торжественного обеда был митинг. Блаватская устала страшно и на другой день слегла.

К счастью тут приехал, для свидания с нею, проездом из Америки в Германию, некто г. Гебгард, преданный ей друг и убежденный теософ, как и вся семья его.

Он ужаснулся ее состоянию и, недолго думая, не жалея никаких средств, сам съездил в Лондон и убедил приехать на консилиум первейших специалистов, профессоров.

Доктора тщательно осмотрели ее, возились два часа, ощупывали, остукивали, записывали, совещались и, решив, что во всем организме Блаватской здоров лишь один мозг, предписали, разумеется, кроме лекарств, невозможные средства: спокойствие, полный отдых, приятные развлечения и прочие немислимые удовольствия, которые доктора вообще любят прописывать пациентам... Были два приемлемых средства — массаж и железные воды. Их взялся доставлять, вместе со всевозможным уходом и комфортом, г-н Гебгард с условием, чтобы она переехала к нему в Эльберфельд.

Там находятся его фабрики шелковых и парчевых материй, и вся семья его жила в этом небольшом, но чудно красивом городке.

Разумеется, Елена Петровна согласилась, тем более, что этот добрый и щедрый друг (чтобы не прерывать ее занятий) требовал, чтобы она переезжала к нему со всем штатом индусских и британских секретарей и тех друзей, в доме которых она жила в Лондоне. В то же время полковник Олькотт должен был воспользоваться этим случаем для собрания в Эльберфельде съезда немецких теософистов, для формирования правильно организованной германской ветви Теософического Общества.[67] Одним словом дом Гебгардов в Эльберфельде на несколько месяцев превратился в теософический европейский центр, куда к Елене Петровне, усердно лечившейся, съезжались последователи ее учения со всех сторон, не исключая и России, представителями которой были фрейлина У. Н. Глинка, романист Вс. С. Соловьев[68], Г. А. Цорн и г-жа Гемерлей из Одессы и оттуда же приезжавшая, единственно ради племянницы своей, а отнюдь не ради теософии, Н. А. Фадеева.

Почти все гости и все домашние г. Гебгарда описывали устно или печатно множество приключившихся там «феноменов».

В особенности появление писем Махатм[69] Мории и Кут-Хуми, в которых всегда находились прямые ответы на тему разговоров, в данную минуту занимавших присутствующих...[70] Повторять все чудеса, описываемые лицами, в разное время окружавшими Елену Петровну Блаватскую, невозможно. Да по-нашему и совершенно излишне, так как не в них суть и задача ее стремлений.

Хотя она и, в особенности, те, которых она взяла своими «учителями», и прибегали, если верить рассказам ее приверженцев, к фактическим демонстрациям «тайных сил, сокрытых в природе и в духе человека» (как определяют источники этих необычайных проявлений сами теософы). Но они прибегали к ним лишь ради того, «чтобы привлечь внимание материалистов, отвергающих всё; чтобы заставить их задуматься, понять, что есть силы превыше немногих, ведомых человечеству, и возбудить в них большее желание развить духовную сторону своего бытия — «самосовершенствоваться».

В борьбе с материализмом, — с нравственными язвами эгоизма и разврата, порождаемыми безверием нашего времени, в посильной помощи нуждающимся, — состояла главная и единственная цель трудов Е. П. Блаватской и задача всех последних лет ее жизни.

VII

Пока основатели Теософического Общества находились в Европе, их недруги в Индии не дремали. По инициативе шотландского иезуита Паттерсона[71] там разыгрался целый заговор. Подкупленная им бывшая экономка Блаватской и муж ее столяр, которым ею были поручены вещи в Адьяре и некоторые поправки в ее комнатах, — люди, которых она буквально спасла от голодной смерти, — смастерили такую канитель подложных писем и столярных сооружений, будто бы предназначенных для будущих обманов, что они послужили к вечным на нее клеветам недоброжелателей ее.

Сколько бы потом ее сторонники ни печатали опровержений, как решительно и ясно ни доказывали фальшь и нелепость этих обвинений, всю недобросовестность действий Лондонского Общества для психических исследований, напечатавшего свой обвинительный «отчет», основываясь на показаниях лишь одного человека, не позволившего даже сличить почерка фабрикованных писем с подлинным почерком Елены Петровны, ничто не помогло снять с нее позорного обвинения.

Почему? Потому, вероятно, что большинство протестов, доказывавших всю нелепость обвинения Блаватской в таком, например, полоумии, как заказывание обманных, потайных сооружений в своем доме во время своего отсутствия. Или такой несостоятельной клеветы, как подделка будто бы ею самой сфабрикованных писем Радж-Йогов, писем, писанных на всех языках, из всевозможных мест земного шара и получаемых везде при ней и без нее[72], никогда почти не находили места в сторонних журналах, а почти исключительно оставались в органах теософических. Отчет же Общества для психических исследований (враждебного Теософическому Обществу) получил широкое распространение на всех языках[73]. Когда же и где не преобладала клевета и злоба людская над справедливостью и правдой?.. Учением теософистов, благотворительными делами общества, созданного Е. П. Блаватской, ее учеными трудами и ее нравственными задачами интересуется малое меньшинство, а у нас в России почти никто. Такими же живыми, сенсационными рассказами, как воспоминания г. Соловьева о знакомстве его с покойной Е. П. Блаватской, кто не поинтересуется? Кто не посмеется его веселым разоблачениям? А, смеясь, кто же станет допытываться до его мотивов? Разбирать правду ли он говорит?.. Кому какое дело до того, сколько выстрадала Блаватская от таких, в сущности, несостоятельных нападок ее зложелателей. Смех, хотя бы и ложный легче распространяется между людьми и лучше запоминается ими, чем скучная, никому не интересная правда.[74]

Справедливость требует сказать, что в индийской, английской и американской прессе появилось множество опровержений злостно-лживым показаниям миссионерского органа «Христианская Коллегия» в Мадрасе и фальшивым (быть может непреднамеренно, а по неопытности следователя мистера Ходсона, — «одураченного юнца», как его называет журнал «Журнал журналов» м-ра Стэда) донесениям отчета Общества для психических исследований. Тем не менее, вся эта история едва не стоила жизни Елене Петровне. Она решила немедленно возвратиться в Мадрас, хотя доктора предрекали ей опасность, которой она подвергалась. Она предпочла опасность, возможность не только болезни, но и самой смерти, лишь бы опровергнуть бесстыдный навет иезуитского журнала, который напечатал, что она «не посмеет возвратиться в Индию», потому что, кроме обманов и лжи, которыми она «морочила легковверных она, — сверх того, — еще обокрала кассу самого Т. Общества...»

Каково было ей, все личное состояние свое, все свои литературные заработки отдававшей на созданное ею Общество, читать такую клевету?

Разумеется, она тотчас собралась и в ноябре уже была снова в Индии.

Здесь ряд торжественных встреч убедительно опроверг навет журнала «Христианская Коллегия» и отчасти вознаградил самоотвержение Елены Петровны. Студенты мадрасских высших училищ поднесли ей сочувственный и благодарственный адрес, подписанный восьмьюстами лицами, большая часть которых даже не принадлежала Теософическому Обществу.[75] Индусы, помимо учения ее, все поголовно ей благодарны за то, что влиянием своим Теософическое Общество смягчило кастовые предрассудки; заставило англичан обходиться с туземцами не столь заносчиво, ближе познакомившись с умственным развитием и литературой индусов и буддистов. С лучшими произведениями их древней литературы западную Европу познакомили, опять-таки, талантливые сочинения и переводы Блаватской. Индусы хорошо сознают это и не забудут ее имени.

Но несмотря на утешительные проявления участия и дружбы, несмотря на лестные овации и встречи, Елена Петровна, войдя в свой кабинет и увидев неожиданные сооружения негодяя — столера Куломба (недоконченный шкаф с двойным дном и какую-то перегородку на шалнерах, которая, впрочем, не двигалась из-за отсыревшего дерева), пришла в такое негодование, так взволновалась, что в тот же вечер слегла... Три недели она боролась со смертью. Опять европейские доктора объявили ее на смертном одре, и опять она их поразила, внезапно оправившись, в то время как доктор возвестил присутствующим последнюю агонию.

Тем не менее, хотя немедленная опасность миновала, но она, по мнению врачей, была приговорена к неминуемой смерти, если бы оставалась в Мадрасе. Ходить она совсем не могла. Ее подняли на кресле на пароход и отправили со знакомым доктором, плывшим тоже в Европу, с двумя не то слугами, не то компаньонкой и туземцем-секретарем, обратно в Италию.

Олькотт с нею ехать не мог: с трудом были собраны средства на ее путешествие. Да кроме того, по случаю всех этих передраг, в среде самого Общества поднялись такие интриги и волнения, что президент его, волей-неволей, должен был оставаться на своем посту.

Совсем больная, нравственно разбитая, Елена Петровна достигла Европы в самом жалком душевном и физическом состоянии. Она поселилась возле Неаполя, в Торре-дель-Греко, — желая уединиться так, чтобы никто и не знал, где она. Олькотт взял с нее слово, что она даже никому писать не будет, кроме самых ей близких... Он думал, что так скорее утихнут толки и забудется кутерьма, поднятая происками индо-иезуитов.

Пребывание ее в Торре-дель-Греко было одним из печальнейших эпизодов ее жизни... Но, разумеется, вынужденное отчуждение от нее всех друзей не могло продолжаться долго: ее скоро разыскали, и посыпались на нее отовсюду уверения в преданности и приглашения. В то же время в Индии, непричастные к этому члены Общества, подняли целый бунт против Олькотта, требуя ее адрес, не признавая никакого представительства, ни авторитета помимо ее.

Узнав, что отчасти на здоровье Блаватской подействовали нелепые обвинения в том, что она «измыслила никогда не существовавших Радж-Йогов», индусы засыпали ее письмами, а журналы — заявлениями об их доподлинном существовании. Из Негапатамы, страны пандитов (ученых) по преимуществу, пришло послание за 70-ю подписями, перепечатанное во всех теософических журналах.[76] Вот вкратце его содержание[77]:

«Мы, нижеподписавшиеся, несказанно удивлены, прочтя «Отчет Лондонского Психического Общества о теософии». Смеем заявить, что существование Махатм никоим образом никем не измышлено. Наши прапрадеды, жившие задолго до рождения мадам Блаватской, имели полную веру в их психические силы, ибо знали их и с ними общались. И настоящее время есть в Индии множество лиц, не имеющих ничего общего с Теософическим Обществом, но находящихся с ними в постоянных сношениях. Мы имеем многие средства для доказательства существования и деятельности этих «Высших Существ» (Superior Beings). Пусть мистер Ходсон и его «комитет» поищут правды поглубже и может сами найдут, что поторопились и составили весьма ошибочное заключение...»

«Он, со своим комитетом, выказал великое невежество в истории Индии и индусов, а за ними и пресловутое Общество для психических изысканий совершило самую грубую ошибку, не удовлетворив ни в чем надежд, возложенных на него мистиками».

Кроме таких официальных заявлений, Елена Петровна получила множество дружеских протестов против ее уединения и придавания ею слишком большого значения личным заключениям неопытного следователя (которого сама, скажем в скобках, потребовала в Адьяр) и готовности Общества для психических исследований им верить. Она сама писала родным своим из Вюрцбурга, куда переселилась летом по настоянию многих друзей:

«Я понимаю, что Психическому Обществу с руки такая передряга. Оно бьет на то, чтобы не расходиться с европейской наукой. Так, как же бы оно могло честно и безбоязненно заявить, что все наши феномены — результаты не обманов, а сил, европейским ученым совершенно неизвестных и непонятных. Это было бы для них опасно: вооружило бы против психистов главные общественные силы Англии, научные корпорации и духовенство. Лучше же нас, теософов, которые ничего не боятся и идут вразрез с рутинной, своей прямой дорогой, — постараться затоптать!.. Ну вот я и обманщица, и шпионка! Я у них как бельмо на глазу, потому, что не своя, а русская; вот и произвели в оплачиваемого агитатора. Господи! Узнаю свою вечную долю: *d'avoir a reputation sans en avoir eu le plaisir*[78]. Уж хоть бы в самом деле родной России какую пользу принесла, а то всего только и было, что отрицательная польза: почти все редакторы лучших газет Индии, мои друзья приятели, прекрасно знали, что каждое их слово против России режет меня по сердцу, ну и воздерживались! Вот и вся моя услуга родине, навсегда потерянной...»

VIII

Посещения и письма «друзей» утешали Е. П. Блаватскую. В Вюрцбурге ее снова посетили русские ее знакомые и, разумеется, Всеволод Соловьев, который целых шесть недель прогостил там, и, хотя ныне пишет («Русский Вестник» 1892 г.) совсем другое, но письма его того времени доказывают, в каком восторге он был от психических сил моей сестры.

Возвратившись в Париж, он писал ей самые дружеские письма, где сообщал о своих разговорах о ней с мадам Адам и известным доктором Шарлем Рише; о том, что он их обоих окончательно «убедил в действительности» ее личной силы и «феноменов, исходящих от нее», и сулил ей скорый «триумф, от которого похерятся все психисты...»[79]

Такие дружеские заявления полного доверия радовали Елену Петровну, не позволяя ей даже предполагать грядущих новых огорчений. Она, к несчастью, не умела ни любить, ни страдать вполнину. Обманываясь в людях, которым верила она страдала глубоко гораздо более, чем большинство их того заслуживало.

Хотя у нее было много тревог и в Вюрцбурге, и болела она в ту зиму крепко, однако, несмотря на все невзгоды, ее новое сочинение «Тайная Доктрина» очень быстро подвигалось. В октябре она писала Синнетту:

«Я очень занята «Тайной Доктриной». То, что было в Нью-Йорке (она разумела картины психографического ясновидения — «внушения», — как она их называла), повторяется еще несравненно яснее и лучше!.. Я начинаю надеяться, что эта книга отомстит за нас. Такие предо мной картины, панорамы, сцены, допотопные драмы!.. Еще никогда я лучше не слышала и не видела».

Графиня Констанция Вахтмейстер, вдова министра иностранных дел в Стокгольме, поселилась в эту зиму с Еленой Петровной Блаватской и с той поры с нею почти не разлучалась, отдав всю жизнь, состояние и время пропаганде учения.[80]

Потеряв рано любимого мужа, она, было тоже увлеклась спиритизмом, и сама была медиумом. Но углубившись в теории теософистов касательно вреда и опасности медиумического состояния, она поборолла в себе это свойство и всей душой предалась теософии и оккультизму.

«Я убедилась, — писала она мне, — что человек имеет двойственную природу и что для некоторых избранных, умевших развить свои силы до возможного совершенства, открываются новые, широкие и светлые горизонты, недоступные другим. Они именно те, о которых так красноречиво повествует Св. Павел: те, для коих не существует ни времени, ни расстояния. Бывают еще такие счастливыцы, прирожденные оккультисты, которые от рождения одарены свойствами, облегчающими достижение такого высшего духовного развития. Такова Блаватская. Я в этом совершенно убедилась».

Далее следуют описания «изумительных» способов и приемов Блаватской при занятиях ее. Как в прежние времена Олькотт и Джедж описывали ясновидение и феномены, сопровождавшие писания «Изиды» в Америке, точно так же описывает и графиня Вахтмейстер рождение на свет в Вюрцбурге «Тайной Доктрины» ...

Чуждаясь этой «сказочной», так сказать, стороны жизни и деятельности Блаватской, мы не будем передавать ее рассказов,[81] но не можем не выразить удивления по поводу сходства их с рассказами первых ближайших сотрудников Елены Петровны. «Феномены духа», по свидетельству графини, составляли обыденные явления их жизни в Вюрцбурге, а потом Остенде. Они были так обычны, что она никогда не удивлялась, когда Елена Петровна заранее предупреждала ее о содержании писем, которые получались на следующий день, или заранее просила ее отвечать то-то и то-то на будущие запросы.

Мы, ее близкие, всегда удивлялись, как в этой ненормальной женщине вмещались, казалось бы, несовместимые крайности: проникновение мыслей, знание будущего и вместе с тем детская доверчивость, простодушие, легковерие и неведение людей. И, Боже мой, как часто, благодаря последним свойствам своим, сестра моя доверялась недостойным людям и пила из-за этой горькой чаши!

Размеры этого биографического очерка не позволяют мне останавливаться на новой, сложной интриге, именно в это время разразившейся над головой Елены Петровны. Человек лживый, честолюбивый и мстительный, чаявший добиться того, чего получить не мог, озлобившись на нее, подстроил нехорошее, изменническое, обманное дело, желая окончательно скомпрометировать ее во мнении некоторых ее последователей и рассорить с самыми близкими ей людьми. Если это ему и не удалось, то все же сильно отозвалось на спокойствии Блаватской и на ее здоровье, разумеется. По всей вероятности, ему даже удалось отнять у нее несколько лет жизни. Чем этот «преданный друг», как он себя называл постоянно, уверяя, что никогда не изменит своих дружеских чувств, и может ныне по праву гордиться!..

IX

Болея телом и душою, Блаватская несколько раз в течение этих двух лет принималась отпрашиваться «в отставку», уверяя, что, удалившись от прямого участия в администрации Теософического Общества, она больше и лучше тем самым ему послужит, имея больше времени писать... Но никто ни в Англии, ни в Америке, ни в Индии об этом и слышать не хотел. Напротив, европейские члены общества усердно призывали ее принять на себя исключительное представительство в Европе, предоставив Олькотту Индию. А из Индии летели к ней усердные призывы, мольбы не оставлять их, возвратиться в Адьяр. Последнее было немислимо, но она понемногу все подвигалась к Англии, боясь туда сразу перебраться, по климатическим условиям. Но из Лондона к ней все чаще и усерднее наезжали ее последователи за инструкциями, и там принимались все решительнее меры к побуждению ее окончательно перебраться за Ламанш, издавать у них новый «Теософист», как она нам написала.

В это время летом сестра моя опять гостила у своих верных друзей Гебгардов в Эльберфельде, где свиделась со мной и старшей моей дочерью, и с нами же окончила сезон на морских купаниях в Остенде. Туда на поклон к ней приезжало множество посетителей из Германии, Франции и Швеции, но всего более из Лондона по делам. Там уж приступали к печатанию первой части «Доктрины». Кроме того, Синнетт писал свою книгу о жизни Е. П. Блаватской и несколько раз приезжал совещаться о ней. На зиму же к ней снова приехала графиня Вахтмейстер, и с этой поры она и m-me Gebhard ее не оставляли, чередуясь возле нее до самого ее переезда в Лондон, неустанно ухаживая за ней в болезнях и помогая в трудах. За помощниками по научным занятиям вообще дело теперь не стояло. Из Лондона к ней то и дело являлись люди науки, доктора и профессора, желавшие заранее познакомиться с содержанием ее новой книги, предлагая свои услуги и помощь. Были и такие, что приезжали издадека: из Стокгольма, из Швейцарии, из Америки.

Вообще одну ее теперь никогда не оставляли. И слава Богу, что было кому позаботиться и поберець ее: к весне она опять перенесла тяжелую болезнь... Остендские доктора уже готовы были уложить ее в гроб, но врач Аштон Эллис, из Лондона, не допустил до этого.

Узнав из телеграммы графини Вахтмейстер, что Блаватской очень дурно, он, бросив все, тотчас переплыл канал и целую неделю неотлучно при ней находился, за что и поплатился прекрасным местом при Вестминстерской больнице. Он не задумался самовольно бросить службу, чтобы помочь женщине, которую, надо заметить, знал не лично, а только по ее творениям и делу.

В конце апреля (1887 г.) друзья перевезли Елену Петровну в Англию, окружив переезд ее всевозможными заботами, перенося ее в креслах на пароход и в вагон, заранее приготовив для нее прелестную виллу в Норвуде, среди цветущей местности, вполне заменявшей дачу.

Тут закипела работа.

Тотчас же приступили к изданию нового журнала и к образованию особого отдела Лондонского Теософического Общества, под названием *Blavatsky Lodge of the London Theosophical Society*. В Лондонском обществе председательствовал Синнетт; но теперь местные теософисты находили, что главенство обязательно должно перейти к основательнице общества, и сам Синнетт ее просил об этом. Но она решительно отклонила это предложение, резонно отзываясь, что ей в таком случае пришлось бы бросить «Доктрину»... Она вскоре и без того завалила себя делами, не меньше работая, чем прежде в Адьяре. Своим она писала, извиняясь за короткие письма:

«Вы подумайте сколько у меня неотложного, ежедневного дела!

Издавать мой журнал «Люцифер», писать статьи в парижский «Лотос», в нью-йоркскую «Тропу», в мадрасский «Теософист», который без моих статей (Олькотт жалуется) слишком потерял много подписчиков; продолжать второй том «Тайной Доктрины», да поправлять по пяти раз корректуры первого тома; да принимать по двадцати и тридцати человек, ежедневно являющихся за делом и без дела. Ведь тут не 24, а сто 24 часа в сутки не хватит... Не бойтесь: пишу, значит здорова, сравнительно! А то сейчас напишут другие. Вон видели вы на обложке журнала «Лотос» сенсационное заявление, что он издается «sous l'inspiration de H. P. Blavatsky»? А какое там «inspiration»[82], когда некогда в него иногда и слова написать!.. Получаете вы его?.. Я для вас обеих подписки взяла, а третью — для Каткова[83]. Пусть хоть взглянет. Я Каткова просто обожаю за его патриотизм! Молодец! Режет правду. Такие статьи, как его, делают честь всей России. Я уверена, что, если бы родной дядя[84] жив был, он нашел бы в них отголосок собственных мыслей...»

«Что вы на меня напали за то, что я свой журнал Люцифером назвала? — пишет она в другом письме. Это прекрасное название! Lux, Lucis — свет; ferre — носить: «Носитель света» — чего лучше?.. Это только благодаря мильтоновскому «Потерянному раю»[85] Lucifer стал синонимом падшего духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения с этого имени, которым древние христиане называли Христа. Эасфорос — греков, Люцифер — римлян, ведь это название звезды утра, провозвестницы яркого света солнечного. Разве сам Христос не сказал о себе: «Я, Иисус, звезда утренняя» (Откров. Св. Иоанна XXII ст. 16)?.. Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари предвещать яркий рассвет правды — слияние всех толкований по букве, в единый, по духу, свет истины!» В ту же осень открыли теософическую типографию и отдельную контору в центре торгового Лондона, в Сити. Начали, кроме ежемесячного журнала, издавать еженедельные брошюры «T.P.S.» — их краткое заглавие, которое равно может значить «Theosophical Published Siftings» или «Theosophical Publishing Society»[86]. Такое большое дело вскоре обратило на себя внимание даже лондонской прессы и публики, привычных к деятельным проявлениям общественной жизни.

Обратило и духовенство внимание на успехи нового учения и быстрый рост Теософического Общества в Англии. Но надо отдать ему справедливость: оно не позволило себе излишеств, которые сочли возможным индошотландские иезуиты в Мадрасе.

Хотя, по инициативе представителей Епископальной церкви[87], и произошло в Лондоне несколько бурных митингов, однако прекрасное вполне христианское письмо, написанное Е. П. Блаватской в «Люцифере» под заглавием «Lucifer to Archbishop to Canterbury»[88], прекратило препирательства. Оно доставило, по собственному заявлению примаса[89] Англии, «если не учению теософистов, то его проповеднице», полную симпатию и уважение его...

На многочисленных митингах Теософического Общества нередко бывает духовенство, и сама супруга епископа Кентерберийского их посещала.

Вещие видения Елены Петровны не прекращались. В начале июля 1886 года мы были удивлены письмом ее (из Остенда), в котором она просила дать ей подробности о смерти А. М. Бутлерова[90]. Это письмо было получено в то же время как извещение о его кончине появилось в столичных газетах. Оно было ею писано в самый день его смерти, как известно последовавшей в имении покойного профессора, в Казанской губернии. В июне же следующего года, я, живя в Петербурге, получила от сестры следующее письмо:

«Я видела странный сон. Будто мне принесли газеты, я открываю и вижу только одну строчку: «теперь Катков действительно умер». Уж не болен ли он? Узнай, пожалуйста, и напиши... Не дай Бог!»

М. Н. Катков тогда был в Петербурге, но о болезни его еще не говорили. Однако заговорили недели через две-три, и вскоре все газеты наполнились его именем. Ему становилось все хуже и хуже, пока не наступила развязка: Катков действительно умер! — как было сказано Блаватской в ее вещем сне.

Письмо ее к Н. А. Фадеевой стоит привести здесь. Вот оно в сокращении:
Maycott, Crown-Hill, Upper Norwood.
Августа 5, 1887 г.

«В большом, я, милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну, «что мне Гекуба и что я Гекубе?»[91]... Ну, поди же! Словно с ним хороню всю Россию... Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мною матушки-России сбила меня с колеи. Обидно!.. Страшно обидно, что вот только появится из ряду вон русский человек — Скобелев[92] ли, Аксаков[93], кто другой — так и прихлопывает смерть в самую нужную минуту. Ведь не подышает же Бисмарк[94], Баттенберг[95], болгарские регенты или Солсбери[96], и tutti quanti[97], нет? А все наши. Чем был для России Катков теперь только можно видеть и сообразить: вой радостный раздается, из всех журнальных редакций. Только две — «Pall-Mall» и «St. James Gazette» благородно отозвались: какое бы де, бремя с нас не сымала эта смерть, но «желательно было бы, чтоб в Англии нашлись такие два-три патриота, каким был Катков...» «Давайте и нам побольше Катковых, тогда Англия будет лучше преуспевать...» Писала сейчас письмо в редакцию его, надо было! Семь лет ведь работала для «Московских Ведомостей» и для «Русского Вестника» ... Хотя, вероятно, и не поверят искренности моей печали, а я писала, что чувствую... Тот не патриот и не русский человек, кто не сознает в эти тяжелые для России дни, что эта утрата для нее незаменимая! Много у России «правителей» да кандидатов на них, но другого такого верного стража ее национальных интересов — нет! И долго еще, может быть, не будет. Господи! Что за несчастье преследует Россию?.. Словно темные силы опутали ее невидимой сетью... И некому теперь более разрушать эти петли могучим, правдивым словом прозорливого патриота!.. Для меня, потерявшей всякую надежду увидеть родную Русь, вся моя любовь к ней, все горячее желание видеть ее торжествующей над врагами, сосредоточивалось и как бы отсвечивалось в передовых статьях Каткова, Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков, и все, все ушли. Кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как он разгадывал и указывал России на козни против нее?.. Пропала Россия!.. Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, «закрылось навеки бдительное око патриота», как дракон оберегавшего интересы нации, и лишь теперь поймут, чем Катков был для Царя и Отечества. Стало быть, был опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и пресса дрожали при его имени, — как теперь дрожат от радости, что избавились. Лафа де, нам теперь будет дурачить Россию...».

«Счастливые христиане православные, могущие искренне пожелать покойному: «Царствие, тебе, небесное, великий патриот!» Я же могу только из глубины души пожелать ему «вечную память» в сердцах всех, любящих родину русских.

«Ставит эта родина, Россия-Матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятники тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее чем Минин и Пожарский сделали мечами. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лиги республиканской Франции, доказала Россия, что не зарастет в сердцах верных сынов ее тропа к его могиле. Пусть запомнят наши дипломаты его указания, да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы, благодаря свинопасам — регентам, да Миланам, австрийским холопам. А зарастет тропа в их памяти, то да будет им стыдно!..

«Вот, что я им написала... Может душой назовут... Ну, пускай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась. «Пока жива — ваша всегда... А коли позволят там — так и после Нирваны все ж ваша. Е. Б.».

Х

Очень обижали Е. П. Блаватскую неверные сведения, печатавшиеся о ней в России. Известия эти бывали курьезные, даже до того, что она неоднократно обвинялась в убийствах и т. п. уголовных преступлениях. Отвечать на такие басни она никогда не хотела. Но ее сторонники не раз пытались возражать на «отечественные клеветы» на уважаемую проповедницу. Однако безуспешно: их протесты в России к сведению не принимались, а бросались редакторами, вероятно, в печку...

Однако раз или два ее близкие, возмущенные нелепостями, взводимыми на нее, должны были вмешаться, но никогда их законных протестов не принимали те органы, где были даны о ней ложные сведения.[98] Раз даже сама Елена Петровна написала возражение, но и его отвергла наклепавшая на нее газета... Она была очень огорчена и по этому поводу писала:

«Ну что это они все врут?.. Откуда они взяли, что я собираюсь упразднить христианство и проповедовать буддизм? Если б читали в России что мы пишем, так и знали бы, что мы проповедуем чистую христоподобную теософию, — познание Бога и жизненной морали, как ее понимал сам Христос. В третьем ноябрьском номере «Люцифера» за 1887 год моя статья («Эзотерический характер Евангелия»), где я так возвеличиваю проповедь Христа, как дай Бог всякому истинному христианину, не зараженному папизмом или протестантскими бреднями. Много они знают, что проповедует Блаватская!.. Объявляют: «построила капище[99] в Лондоне и посадила в него идола Будды!..»

Выдумали вздор! Сами они идолы, вот что! Уж если репортеры их городят пустяки, так имели бы мужество печатать возражения. Уж, кажется, я необходимое нимало, самое добродушное письмо написала, а у N** и его поместить добросовестности не хватало?.. Ну, Бог с вами, милые соотечественники!..»

С каждым днем Лондонскому Теософическому Обществу работы прибавлялась больше, и само оно разрасталось не по дням, а по часам. Вскоре стало невозможно оставаться и на второй квартире, в гораздо большем доме, взятом на два года в Лэнсдоун Род, возле Кепсингтонских садов. Задумали взять такой дом, к которому возможно было бы построить отдельную залу митингов на 300–400 человек и, кроме того, кабинет или павильон в саду с одной дверью, без окон, покрытый вместо крыши куполом голубого стекла. Он предназначался для занятий оккультизмом членов «эзотерического» — особого отдела, — с открытием, которого у Елены Петровны оказались два раза в неделю устные занятия. Она сама давала уроки наличным «эзотеристам»[100] и наблюдала за правильной передачей этих уроков письменно, в чертежах и вычислениях, для рассылки отсутствовавшим, записавшимся в ее «Эзотерическую секцию».

В начале зимы 1889 года Блаватская стала очень редко и мало писать своим. Я укоряла ее за это, вопрошая: «чем уж так ужасно занята, что ни слова не пишешь?»

Вот характерный ответ Елены Петровны.

«Друг и сестра! Твой неосмотрительный вопрос поразил нас, как бомба, начиненная наивным незнанием активной жизни теософа! Я, как прочла твое Кузьма-Прутковское изречение[101], так созвала своих и перевела им его на язык Шекспира. А как перевела, так Барт, Арч, Райт, Мид,[102] графиня и весь мой домашний штат в разные стороны в обмороки и попадали от твоего диффамационного[103] вопроса... Чем занята? Это я-то?! Да если есть на свете перезанятая жертва, так это твоя сестра горемычная. Вот пересчитай, зоил[104] бессердечный, мои занятия: каждый месяц пишу от 40 до 50 страниц Эзотерических Инструкций, — наставления в тайных науках, которые не могут печататься, а несчастные пять-шесть добровольцев-мучеников эзотеристов должны по ночам сидеть, рисовать, писать и на машине литографировать, всего только в число 320 экземпляров...

Я же должна всё пересматривать, чтобы не ошиблись и не осрамили моих оккультических занятий. Ведь у меня учатся седые ученые, каббалисты и франкмасоны, как ты сама видела. Потом издание «Люцифера» на мне лежит: от передовика до статьи более или менее забирающей за моей подписью, до корректуры. «Revue Theosophique»[105] тоже моя графинюшка Адемар присылает, и ей помочь надо! Да и самой кушать: значит еще и хлебную статейку в чужие журналы поставить надо. Да приемы по субботам, да митинги каждый четверг, с учеными расспросами, со стенографом за спиной, да двумя-тремя репортерами по углам, тоже время-то берут?..

К каждому четвергу ведь и приготовиться надо, потому что не с улицы люди приходят, не неучи, а такие господа, как электрик Кингсланд, как доктор Вильям Бенет, как натуралист Картерблэк. Я должна быть готова защищать теорию оккультизма против прикладных наук так, чтобы по отчету стенографа прямо можно было печатать в нашем новом специальном ежемесячном журнале под заглавием «Transactions of the Blavatsky Lodge»[106].

Спохватились мои теософы, написали, видишь ты, циркуляр по всему белому свету: «Эч-Пи-Би[107] де стара и больна. Помрёт Эч-Пи-Би, тогда — свищи! Некому будет нас уму-разуму учить, тайной премудрости. Давайте-ка сделаем складчину на расходы»... И вот — сделали. Один стенограф, да издание стоят им более 40 фунтов стерлингов в месяц. А «Н. Р. В.» сиди с продранными локтями, без гроша в кармане, да отдувайся за всех — учи их! Уж конечно я сама ни гроша не приму за такое учение!.. «Серебро твое да будет тебе на погибель, ибо ты помыслил приобрести дар Божий за деньги», — говорю я тем, кто воображает купить божественную мудрость веков за фунты и шиллинги...»

Забирающие статьи Елены Петровны Блаватской (как она их называла) весьма часто касались России и русских, и очень жаль, что для таковых не находилось переводчика. Вернее, понятие имели бы о ней ее соотечественники, если бы могли прочесть такую статью, какой разразилась она по поводу глупейших британских «митингов негодования» касательно наших «жестокостей в Сибири» и наших «притеснений евреев». Статья эта опубликована в журнале Блаватской («Люцифер», июнь 1890) под заглавием «The moat and the Beam»[108]. Или та, что она написала по поводу катастрофы 17 октября... Даже последнее печатное слово Е. П. Блаватской, появившееся уже после смерти ее, в майской книге «Люцифера» за 1891 год, касалось нашей русской Царской семьи. Там, на стр. 186-й, она делает следующую заметку, под заглавием «True Nobility».

«Погребение м-рс Стреттер, англичанки, бывшей няни детей покойного Императора Александра II, произвело, два-три дня тому назад, большое впечатление на жителей Петербурга. Государь Александр III, герцогиня Эдинбургская и все остальные их братья, Великие Князья Российского Дома, следовали за гробом этой простой женщины пешком, а Государыня Императрица ехала в траурной карете... Вот прекрасный урок и пример сердечного внимания, который двор королевы Виктории, — бездушный раб формализма и этикета, — должен бы принять во внимание и призадуматься над ним глубоко».

Замечательно, что рядом с этими последними словами, вышедшими из-под пера Елены Петровны Блаватской, вклеено первое, поспешное извещение о кончине ее самой...

Это траурное извещение поражает тем сильнее читателя своей неожиданностью, что в той же самой книге (и даже на той же самой странице) кончается статья, подписанная ее инициалами «Н.Р.В.» («Цивилизация, как смерть красоты в искусстве»), а другая, «Мои книги», открывает тот же номер журнала — статья, в которой она сама с такой строгостью относится к своим сочинениям, с какой никогда не разбирал их ни один критик.

XI

На втором году переселения Блаватской в Англию она познакомилась с той талантливой и преданной женщиной, которая ныне, по смерти провозвестницы Теософического Учения, стала главным оплотом ее и двигателем в Англии. Я говорю о м-рс Анни Безант, ораторе-писательнице, которая приобрела величайшую известность в Англии, гораздо ранее, чем познакомилась с Блаватской.

Вот что последняя писала о ней осенью 1889.

Война у меня с материалистами и атеистами хуже, чем когда-нибудь!..

«Восстали на меня все либеральные безбожники, все «Свободомыслители» — друзья Брэдлоу, — за то, что я, будто бы совратила с пути истинного их возлюбленную Анни Безант. Правда, что я из этой правой руки атеиста Брэдлоу, материалистки убежденной и деятельной, сделала наиярейшую теософку. Она теперь тоже меня называет своей спасительницей, как и Гебгарды, как и маркиз Шифре[109] и прочие бедняги, сбитые с толку нашими недомыслившими мыслителями... Прочтите ее Profession de foi[110]: «Почему я стала теософисткой», брошюру, где она объясняет почему она сделалась теософисткой убежденной. Она прочла эту исповедь в зале, где собралось две тысячи человек, все больше члены Общества Свободомыслия, между которыми она занимала, после лидера его Брэдлоу, самое видное место. Ее обращение как громом поразило Англию! Прочтите вырезки из газеты, которую посылаю. «Церковники так обрадовались ее отречению от безверия, что даже позабыли свою ненависть ко мне и хвалят теософию!!! Вот так происшествие!

«Но что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит! Слушаешь и не наслушаешься! Демосфен в юбке!.. Это такое приобретение, что я не нарадуюсь! У нас именно не доставало красноречивого оратора. Я говорить совсем не умею. А это — соловей какой-то! И как глубоко умна, как всесторонне развита! Она пренесчастная была.... Ее жизнь целый роман. Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне».

Блаватская была права: с такой сотрудницей она могла бы отдохнуть и успокоиться, если бы дни ее не были сочтены.

Переход в лагерь теософистов этой «заступницы пролетариев», этой проповедницы рабочих классов, обожаемой лондонскими бедняками, известной всей Англии своей педагогической деятельностью, наделал большое волнение в социалистических кругах и во всей прессе. Ист-Энд — это нищенское царство Лондона, особенно его несчастные работницы, рабыни фабрикантов-кулаков, возопили, думая, что она их покидает... Но эта энергичная женщина успокоила их, объявив, что, напротив, сделавшись членом Общества, одна из главных целей которого практическая филантропия, она будет им еще лучшей помощницей и слугой.

Она сдержала слово. С ее помощью первые значительные деньги, предоставленные в распоряжение Е. П. Блаватской на благотворение одним богатым членом ее Общества,[111] 1.000 фунтов стерлингов, были положены на долгосрочное приобретение дома в Ист-Энде, где открыт приют для женщин-работниц.

Открытие этого клуба-приюта на 300 женщин с дешевейшим, если не вполне даровым прокормлением, с даровой библиотекой, воскресными уроками, швейными и другими машинами; вдобавок с 40, почти бесплатными, кроватями для женщин в нем, преимущественно сирот, — произвело самое лучшее впечатление и дало много прозелитов Теософическому Обществу.

Тут же вышли из печати, один за другим, два тома «Тайной Доктрины», лестными отзывами о которой положительно переполнялась вся английская и американская пресса, нашедшая отголоски во всей Западной Европе. И, вслед за ними, «Ключ к Теософии» и «Глас Молчания», труды, окончательно давшие имени Е. П. Блаватской почетное место не только в теософическом мире, но в науке и литературах всемирных.

Но вслед затем, доктора объявили сильно заболевшей Елене Петровне, что она не переживет весны, если не даст себе продолжительного полного отдыха; что доработалась она до истощения мозга и напряжения нервной системы, крайне опасных.

В феврале 1890 года ее полумертвую отправили в Брайтон, на морской берег, где целый день катали в ручной коляске, не позволяя ни на минуту ничем заниматься, даже ни читать, ни писать писем.

Два месяца отдыха немного восстановили ее, но разумеется ненадолго, потому что не далее, как в мае, она снова принялась за многочисленные свои занятия.

К этому времени ближайшими сотрудниками Блаватской (графиней Вахтмейстер, Анни Безант, братьями Китлей и пр.), жившими с нею постоянно под одним кровом, было приискано новое помещение для их общежития — «Главной Квартиры Теософического Общества», как гласит надпись над главным входом. Три дома, соединенные садом, в цветущей улице Авеню Род, в парке Регента. К главному большому дому была пристроена одноэтажная зала митингов;[112] там же было прекрасное помещение Е. П. Блаватской в нижнем этаже; а в верхних — комнаты живших с нею пяти или шести дам и трех-четырех ее личных секретарей.

Такого роскошного помещения еще не было у нее в Лондоне. Но, входя в него, Елена Петровна сказала:

— Не наживу я долго в этом доме: нет на нем моего числа — цифры 7. Отсюда меня вывезут — на сожжение![113]

Так оно и случилось. Хотя ее убеждали, что в их помещении, на другом доме, есть № 17 и что 19-й (номер ее главного дома) тоже принадлежит к счастливым цифрам, но она качала головой и возражала, улыбаясь:

— Я ведь и не считаю смерть несчастьем! Страдая, как я, можно ли считать освобождение от тела — несчастьем? Окунуться в бестелесный покой, в блаженную Нирвану[114] что может быть желанней?... Лишь бы закончить дело, дописать третью и четвертую книгу «Доктрины»! Тогда можно и отдохнуть...[115]

В июле 1890 года Елена Петровна перешла на Авеню Род, а в следующем мае ее не стало.

В ту весну, после страшной суровой в Англии зимы 1891 года, болезни в Лондоне были ужасные. В особенности свирепствовала инфлюэнца, которой переболела решительно вся братия в теософической главной квартире. Заболела ею и Блаватская, что не помешало ей все время заботиться о других больных и интересоваться всеми. Одиннадцатого (23-го) апреля, в четверг, день их митингов, она в последний раз была в зале лекций, но в ту же ночь заболела. Однако утром порывалась «работать». У нее, как всегда, были неотложные письменные дела, но не могла уже встать: у нее оказалось 40 градусов жару.

Через неделю, однако, она поправилась и снова села за свой письменный стол. Ей надо было отвечать на приветственные телеграммы из Америки...

Первые успехи Е. П. Блаватской начались в Соединенных Штатах. Они же доставили ей и последние удовольствия, и лавры в этой жизни. Из Бостона два дня кряду (26-го и 27-го апреля) посылали ей телеграммы со съезда Американской секции Теософического Общества, куда она отправила делегатами от Лондонского Общества м-рс Безант и д-ра Арчибальда Китлей. Она послала с ними письмо «к своим первообращенным братьям по теософии и согражданам»; как бы завет, как действовать им в будущем на преуспевание их дела, и вместе дружеское послание, которым, словно зная близкое грядущее, она прощалась с ними... Три раза было перечитано там это последнее письмо ее. И каждый раз чтение это побуждало слушавших передавать по телеграфу «Основательнице и главной представительнице их Общества» чувства благодарности и сочувствия и самые горячие пожелания здоровья. Последние письма с Бостонской конференции получены были, когда Е. П. Блаватская уже лежала в гробу, но телеграммы были прочитаны ею и доставили ей радостную минуту... Это действительно были не официальные сообщения, а глубоко прочувствованные приветы людей, искренно преданных, сочувствовавших ее недугам и благодарных за труды ее.

В первых числах мая Блаватская снова сильно заболела, вероятно простудившись. У нее сделалась ангина и бронхит и всякие осложнения в груди, в горле. Однако она мужественно боролась с одолевавшими ее недугами и всё порывалась, до последней минуты, к своему письменному столу. Она даже скончалась подле него, «на своем посту», — говорят о ней приверженцы, — не в постели, а в своем кресле. Замечательно, что в самое утро это, 8 мая (26 апреля), доктор всех обнадежил, найдя, что она вне опасности.

Она оделась и хотела заниматься, но вдруг закрыла глаза, и во втором часу дня ее не стало.

«Она ушла так тихо и мирно, — напишет о ней очевидец, — что мы, стоявшие возле нее, даже не заметили, когда она в последний раз вздохнула... Великое чувство мира снизошло на нее и на нас, когда мы опустились на колени, поняв, что все кончено...»

В блестящий майский день, гроб, где покоилось тело основательницы Теософического Общества, весь покрытый цветами, увезли на станцию Ватерлоо, а оттуда в Уокинг, где находится лондонский крематорий. Не было никаких торжественных шествий, по непременному её желанию никто не надел даже траура. Только у дверей пекла, которое должно было превратить в прах ее тело, было произнесено несколько слов благодарности и последнего привета «творцу и вдохновительнице теософического движения, учившей своих последователей жить честно, чисто и деятельно, — на пользу другим и в преуспевание своего вечного бессмертного духа!..» Так сказано было в речи над ее телом.

Праха ее разделен на три части, которые хранятся в урнах в Нью-Йорке; Адьяре и Лондоне — в собственных комнатах Блаватской, сохраняемых в память ее нетронутыми и необитаемыми.

Невозможно перечислить всех демонстраций, речей и статей, появившихся в возвеличение и похвалу покойной сестры моей.[116] Всюду собираются пожертвования для стипендий в школах, для библиотек, для литературного фонда имени Блаватской: «H.P.B.'s Memorial Fund»[117] достиг в Индии, Америке и Англии очень значительных цифр. Но всего замечательней были по ней поминки и божественные служения на Цейлоне. Там открыты три стипендии ее имени в женских училищах, но кроме того одеты несколько монахов и накормлены 3000 нищих. Везде в Индии, Америке и Англии, во всех Теософических центрах, решено поминать каждую годовщину ее смерти — благотворениями, чтением ее сочинений в торжественных собраниях и милостыней. День этот наименован «Днем Белого Лотоса» (White lotus Day).

По-нашему, одно из лучших надгробных слов Е. П. Блаватской заключается в дельной статье публициста Стэда, в его «Журнале Журналов», за июнь 1891 г., где помещены четыре ее портрета.

«Не говорите мне о ее феноменах» — между прочим восклицает он. — Какое их значение, когда эта великая женщина, в наш век безверия, свершила феномен духовный, — феномен небывалый, — заставив многих самых образованных людей нашего поколения уверовать, что невидимый нам мир населен мыслящими существами, несравненно превосходящими нас разумом и познаниями истинными... Блаватская свершила это чудо!..» «...Населив вновь мир духа, — обобранный современной наукой до бессмысленной пустоты, — эта русская женщина, эта «шпионка», по мнению англо-индийского правительства, — обратила в страстных поборников своей миссии образованнейших лидеров общественного мнения и, уже в преклонных летах, удрученная страданиями, сумела обращать в прозелитов таких людей, как Анни Безант, годами ратовавшую за атеизм, а ныне прославляющую власть «Махатм», покровителей теософического движения!»

Имя Блаватской, русской женщины, возбуждавшей такое мировое движение, не сотрется со скрижалей истории, а должно получить заметное место в числе деятелей конца XIX века.

Примечания

1

В журнале «Русский Вестник» «Из пещер и дебрей Индостана», «Дурбар в Лахоре», «Голубые горы» и пр. (В тексте — примечания В. П. Желиховской)
(обратно)

2

«Lucifer» («Люцифер») — журнал, издававшийся Е. П. Блаватской в Лондоне.
(обратно)

3

«The Theosophist» («Теософист») — журнал, издававшийся Е. П. Блаватской и полковником Г. С. Олькоттом в Индии с 1870 г.

Теософия (от греч. θεος — бог и σοφία — мудрость) — в широком смысле всякое мистическое учение, претендующее на раскрытие «божественных тайн», мистическое богопознание. Позднее теософией в отличие от теологии, опирающейся на откровения и догматы, стали называть учения о божестве, исходящие от субъективного мистического опыта и стремящиеся изложить этот опыт в виде связной системы.
(обратно)

4

Писавшей под псевдонимом «Зенеида Р-ва».
(обратно)

5

...названной Белинским «русской Жорж Занд». В. П. Желиховская ошибается. Ее мать, Е. А. Ган (урожденную Фадееву), писавшую под псевдонимом Зенеида Р-ва, назвал «равной по оригинальности таланту Жоржа Занда» критик О. И. Сенковской («Библиотека для чтения» 1843, т. X, отд. VII, стр. 20–23).
(обратно)

6

Отец Е. П. Блаватской — Петр Ган, офицер русской армии, служивший в конной артиллерии, потомок германских рыцарей фон дер Ротер-Ган-Ган.
(обратно)

7

Это был очень хороший, хотя несколько заурядный, пожилой человек, служивший в то время на Кавказе, куда только что был назначен во вновь сформированную Эриванскую губернию вице-губернатором.
(обратно)

8

Радж-йог — Великий мудрец. Радж-йогов не надо смешивать с факирами или простыми фокусниками, показывающими удивительные феномены по всем городам Индии.
(обратно)

9

Медиум (от лат. medium). В спиритизме — посредник между миром духов и людьми. Через него, по воззрениям спиритов, в состоянии транса передаются сообщения умерших; наделен способностями к сверхчувственному восприятию. Принцип действия медиума состоит в том, что он выделяет особый флюид, которым могут воспользоваться духи для своих материализаций.
(обратно)

10

Юм (Hume) — известный американский медиум 60-х годов прошлого столетия. Блаватская, приехав в США, некоторое время увлекалась спиритизмом и была его ученицей.
(обратно)

11

Прозелит (греч. проσηλυτος) — новый, горячий приверженец чего-нибудь.
(обратно)

12

Это было описано в журнале «Ребус» в очерке «Правда о Е. П. Блаватской», 1883 г., №№ 40–48.
(обратно)

13

Экзарх (от греч. εἰσάρχος — глава, начальник), в православных церквях — глава церковного округа, иногда объединяющего несколько епархий (экзархата), пользующегося определенной самостоятельностью.
(обратно)

14

Служка — монастырский или архиерейский слуга, прислужник.
(обратно)

15

Иерей (греч. ιερεος, — букв. жрец), официальное название православного священника.
(обратно)

16

Эзотерический (греч. *εσotericos* — внутренний) — тайный, скрытый, предназначенный исключительно для посвященных (о религиозных обрядах).
(обратно)

17

Оум — священное слово, символ, обширное толкование которого дают уже упанишады (древнеиндийские трактаты), символ диалектики Единого — начала, середины, конца миропроявления, понимаемого как целое.
(обратно)

18

Спиритизм (от лат. *spiritus* — душа, дух) — мистическое течение, связанное с верой в загробное существование душ умерших. Возникло в середине XIX века в США; спиритические занятия — особая практика «общения» с душами умерших (приемами т. н. физ. медиумизма — «столоверчением» и т. п.).
(обратно)

19

Синнетт (А. Р. Sinnett) — биограф Е. П. Блаватской, автор книг «Incidents in the life of m-me Blavatsky» («Случаи из жизни мадам Блаватской»), «The Occult World» («Оккультный мир»)).
(обратно)

20

Будущий президент Теософического общества, сотрудник Блаватской по делам Общества с момента его основания.
(обратно)

21

Обратившую и в России внимание по статьям о ней профессора Вагнера в «Русском Вестнике».
(обратно)

22

«...нечто, не снившееся нашим мудрецам» — перефраз реплики Гамлета, акт I, сцена 5.
(обратно)

23

Общество теософистов — ветвь индийского Арийского Братства. Создалось в Америке сторонниками Блаватской. Арии — название народов, принадлежащих к индо-европейской языковой общности. В Индии это слово просто значит «достойный человек».
(обратно)

24

«...жрецов Калхасов — Калхас — греческий жрец, сопровождавший легендарного царя Микен Агамемнона в походе на Трою. Он подсказал царю принести в жертву свою дочь Ифригению, чтобы усмирить гнев Артемиды и остановить противный ветер. Во время осады Трои дал совет построить деревянного коня в дар Трое, в котором спрятались греки, осаждавшие город.

(обратно)

25

...профессор Хаксли (Huxley) — американский ученый, проповедник материализма, с которым Блаватская вела печатную полемику.

(обратно)

26

Надежде Андреевне Фадеевой, сестре своей матери.

(обратно)

27

...профессор Уайльдер (Wilder) — археолог-ориенталист.

(обратно)

28

Энигма (гр. аініґма) — загадка, тайна.

(обратно)

29

Тиндаль (Tyndall) Джон (1820–1893) — английский физик, автор трудов по акустике, диамагнетизму, рассеянию света в мутных средах (эффект Тиндаля).

(обратно)

30

Спенсер (Spenser) Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог. Основной труд «Система синтетической философии» (1862–1896).

(обратно)

31

Олькотт, президент всего Общества теософистов вообще.

(обратно)

32

Джедж, бывший юрист, очень известный и уважаемый в Нью-Йорке человек, и по сию пору состоит представителем теософистов Соединенных Штатов.

(обратно)

33

«Разоблаченная Изида» («Isis Unveiled») — первый научный труд Блаватской. Изида — в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса; богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, охранительница умерших.

(обратно)

34

Сама Блаватская признаёт его самым слабым из своих трудов в статье «Мои книги», — одной из последних статей в её журнале «Люцифер», — она прямо это заявляет, сознаваясь даже, что в то время (хотя и писала ее под наитиями) так плохо знала английский язык, что перепутывала многое.

(обратно)

35

Брат живописца, умерший в 1880 г. в Тифлисе.

(обратно)

36

Впоследствии г. Соловьев изменил свое мнение и старался доказать противное. Но его письма, хранящиеся у меня, изобличают фальшь его. В. Ж.

(обратно)

37

Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Основные события: 1877 — сражение на Шипке, осада и взятие Плевны и Карса; 1878 — зимний переход русской армии через Балканский хребет, победы у Шипки-Шейново, взятие Андрианополя. Завершился Сан-Стефанским миром 1878 г., решения которого пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 г. Способствовала освобождению народов Балканского п-ва от османского ига.

(обратно)

38

...тургеневский «Крокет в Виндзоре» — стихотворение было написано И. С. Тургеневым в 1876 г. до войны с Турцией под впечатлением балканских событий: жестокого подавления турками революционного восстания в Болгарии (май 1876). Английское правительство занимало позицию невмешательства, а на деле помогало Турции. Зверства турок вызвали возмущение в России и других странах.

Цензура воспрепятствовала публикации стихотворения. Оно появилось только в 1881 г., что не помешало, однако, этим виршам, как писал Тургенев брату Николаю, «облететь всю Россию... и быть переведенными на немецкий, французский, английский языки».

Крокет в Виндзоре

Сидит королева в Виндзорском бору...
Придворные дамы играют
В вошедшую в моду недавно игру:
Ту крокет игру называют.
Катают шары и в намеченный круг
Их гонят и ловко и смело....
Глядит королева, смеется... и вдруг
Умолкла... лицо помертвело.
Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной —
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию черной...
То головы женщин, девиц и детей....
На лицах — следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей —
Весь ужас предсмертных страданий.
И вот королевина младшая дочь —
Прелестная дева — катает
Одну из голов и все далее, прочь —
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребенка в пушистых кудрях...
И ротик лепечет укоры....
И вскрикнула тут королева — и страх
Безумный застлал ее взоры.
«Мой доктор! На помощь! Скорей!» И ему
Она повторяет виденье...
Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему:
Газет вас расстроило чтение.
Толкует вам «Таймс», как болгарский народ
Стал жертвой турецкого гнева...
Вот капли... примите... все это пройдет!»
И в замок идет королева.
Вернулась домой — и в раздумье стоит...
Склонились тяжелые вежды...
О ужас! кровавой струею залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!
«Нет, ваше величество, Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»

СПБ. 20 июля 1876

(обратно)

Схизм (греч. σχίσμα, — раскол) — термин, обозначающий раскол в христианской церкви, чаще всего разделение церквей — в православной и католической.
(обратно)

40

Башибузук (турецкое — сорви-голова) — солдат иррегулярных частей турецкого войска; перен. разбойник, головорез.
(обратно)

41

Нунций (от лат. nuntius — вестник) — постоянный дипломатический представитель римского папы в иностранных государствах.
(обратно)

42

Дядю своего Ростислава Адреевича Фадеева, двоюродного брата Александра Юльевича Витте и племянника Ростислава Николаевича Яхонтова.
(обратно)

43

Дрэпер (Draper) Уильям Джон (Желиховская ошибочно пишет Лайман) (1811–1882) — врач, физиолог, президент медицинского общества в Нью-Йорке. Автор ряда медицинских исследований и книг: «История интеллектуального развития Европы», «Конфликты науки и религии».
(обратно)

44

Уоллес (Wallace) Альфред Рассел (1823-1913) — английский естествоиспытатель, один из основоположников зоогеографии. Создал одновременно с Ч. Дарвиным на материале собственных исследований флоры и фауны Малайского архипелага теорию естественного отбора. Признавал приоритет Дарвина.
(обратно)

45

...из Верховного Суда (Supreme Court).
(обратно)

46

Сарасвати Даянанд — проаоведник, работающий над восстановлением первобытных верований индусов, деятель реформации, прозванный «Лютером Индии».
(обратно)

47

Веды (санскр. веда, букв. — знание) — памятники древнеиндийской литературы (конца 2-го — начала 1-го тысячелетия до нашей эры) на древне-индийском (ведийском) языке. В состав вед входят «самхиты» — сборняки гимнов, молитв и заклинаний, написанных стихами, частично перемешанными с прозой.
(обратно)

48

Приезд и первое время пребывания в Индии превосходно было описано в книге «Из пещер и дебрей Индостана» в «Русском Вестнике». Это сочинение, по-русски подписанное псевдонимом её Радда-Бай, теперь переведено на английский язык.

(обратно)

49

«bœuf gras» (франц.) — буквально — жирный бык. Имеется в виду старинный французский обычай, заключающийся в торжественном шествии, в последние три дня масленицы, откормленного быка, разукрашенного гирляндами цветов, в окружении праздничного кортежа людей.

(обратно)

50

Рабочих.

(обратно)

51

...из павильона на спине его — крытое сидение, шатер (от французского pavillon).

(обратно)

52

Это было время действий русских войск в Афганистане и во всем Закаспийском крае. Враждебные чувства англичан против России были сильно возбуждены.

(обратно)

53

«Indian Mirror», «Amrita-Bazar-Patrika», «The Pioneer» и пр.

(обратно)

54

Клерикал (от позднелат. clericalis — церковный) — сторонник клерикализма, член клерикальной партии.

(обратно)

55

Тростники.

(обратно)

...потрясена ужасным делом 1 марта 1881 г. — в этот день народовольцами был убит российский император Александр II (1818–1881), на жизнь которого до этого был совершен ряд покушений (1866, 1867, 1879, 1880). Старший сын Николая I. Отменил крепостное право (1861), провел ряд других реформ (земскую, судебную, военную и т. п.), содействовавших развитию капитализма в России. С середины 60-х годов перешел к реакционному внутреннему курсу, усиливая с годами репрессии против революционеров.

(обратно)

Впоследствии графиня Д'Адемар издавала теософический журнал под верховным руководством Блаватской («Revue theosophique». Redacteur en chef H. P. Blavatsky). Оба, и муж, и жена, оставались до конца преданными друзьями, вопреки ошибочным показаниям г-на Соловьева в журнале «Русский Вестник» за февраль месяц 1892 г.

(обратно)

Вот отрывок из письма графини к Джеджу, которым она ему напоминает об одном из вечеров на вилле Gonzag, где они у нее гостили («Lucifer», July 1891).

«Помните ли вы тот удивительный вечер, когда m-me Blavatsky сидела в нашей гостиной, погруженная в задумчивость. Как она, встав, вдруг подошла к окну, отворенному в сад, и, махнув рукой, властным жестом вызвала издали тихую музыку?.. Как эта чудная, сладостная гармония, будто неслась, летела к нам из дальних областей небесного эфира, всё ближе, всё громче, и вдруг прозвучала полным аккордом над нами, в самой комнате, где мы сидели... Помните, как индус Могини тогда бросился к её ногам и приложился губами к поле её платья... Он им именно выразил тот общий восторг, который все мы чувствовали к удивительному созданию, потерю которого мы никогда не перестанем оплакивать!..».

(обратно)

Фламарион (Flammarion) Камилл (1842–1925) — французский астроном. Исследовал Марс, двойные звезды. Автор известных научно-популярных книг.

(обратно)

Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) — русский писатель, старший сын известного историка С. М. Соловьева. Автор ряда исторических романов, пользовавшихся в то время популярностью, а также мистических произведений («Волхвы», «Великий розенкрейцер»), в которых пытался доказать бытие сверхчувственного мира.

В 1884 году в Париже, готовясь к написанию этих романов, изучая мистическую и оккультную литературу, знакомится с Блаватской — женщиной «обладавшей редкой талантливостью и оригинальной силой» и ее учением. Увлечение его нашло выражение в заметках, опубликованных в русской прессе. В 1886 отношении его к Блаватской и ее сестре изменяется.

После смерти Блаватской и появления статьи Желиховской о сестре между ней и Соловьевым в печати развертывается полемика («Современная жрица Изиды» Вс. Соловьева, «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины». В. Желиховской и т. д.). Отзвуки этой

полемики читатель встретит и на страницах данной книги.

(обратно)

61

Астральное тело (от лат. astral — звездный) — относится к миру эмоций, желаний и при определенных условиях способно отделяться от физического тела.

(обратно)

62

Звуковые феномены или «бросание аккордов», или же «звон астральных колокольчиков» слышался постоянно по произволу Елены Петровны. Куда она, бывало, махнет рукой, оттуда и летят гармонические звуки, будто аккорды арфы или другого струнного инструмента.

(обратно)

63

Указываем на эту статью потому, что в таком необычайном деле в России именно дороги авторитеты русских людей.

(обратно)

64

Рожденная Киреева. В английской и русской прессе более известная под заглавными буквами «О. К.».

(обратно)

65

Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт (1809–1898) — премьер-министр Великобритании в 1868–74; 1880–85; 1886, 1892–94. Лидер либеральной партии с 1868. Правительство Гладстона подавило национально-освободительное движение в Ирландии и в то же время добивалось принятия английским парламентом билля о самоуправлении Ирландии в рамках британской империи.

(обратно)

66

notabilities — влиятельные люди, люди с весом, знаменитости.

(обратно)

67

Германская ветвь существует и ныне, под председательством, тогда же избранного в Эльберфельде президентом ее, известного доктора наук Гюббе Шлейдена, издателя теософического журнала «Сфинкс».

(обратно)

Тут произошел, между прочим, и феномен свидания г. Соловьева с Махатмой Морией, то есть с его двойником или *poiesprit*, подробно описанный им во многих письмах его, а также в отчетах Лондонского Общества для психических исследований.

(обратно)

Мах-Атма — «Великая душа». Обыкновенное название ученых Радж-Йогов индийских.

(обратно)

Во всех теософических журналах желающие могут найти описание этих и многих других, невероятных для большинства простых смертных, происшествий. Перечень их, засвидетельствованный очевидцами, находится также в книге Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской».

(обратно)

Он сам, судя по отчетам об этом деле (неоднократно бывшим в печати), не скрывал, что, «ради христианских целей», не задумался подкупить слуг Е. П. Блаватской «для доставления нужных ему сведений».

(обратно)

Последние письма Махатм получены в Лондоне после смерти Блаватской — явное доказательство того, что если кто здесь и лжет, и фабрикует письма, то уж никак не она!

(обратно)

Им и теперь воспользовался г. Соловьев для забрасывания памяти Елены Петровны Блаватской грязью в журнале, прежний издатель которого, М. П. Катков так гордился ее сотрудничеством!

(обратно)

Интересующихся действительными мнениями г. Соловьева, которые он выражал в прежних письмах своих, отсылаю к моему ответу ему под заглавием: «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины».

(обратно)

Адрес этот хранится в Адьярской библиотеке, а копии разосланы во все ветви Теософического Общества.

(обратно)

76

Их числом более 20-ти, но большая часть на английском языке.
(обратно)

77

«Бостонский Курьер», июль 18, 1886.
(обратно)

78

пользоваться дурной славой, не имея от этого никакой выгоды (ирон.).
(обратно)

79

Это письмо Вс. С. Соловьева к Е. П. Блаватской, из Парижа, от 8 октября 1885 г. и многие другие можно прочесть в моем ответе: «Е. П. Блаватская и Современный Жрец Истины».
(обратно)

80

Графиня Вахтмейстер и теперь работает вместе с сыном своим, тоже посвятившим себя теософии. Граф теперь в Индии, а мать его от утра до вечера трудится, безотлучно находясь в Сити, в Лондонской конторе Теософического Общества.
(обратно)

81

«Люцифер», июнь 1891. К. Е. Вахтмейстер «В Вюрцбурге и Остенде».
(обратно)

82

«вдохновляемое Е. П. Блаватской...» «а какое там «вдохновение» !..
(обратно)

83

Катков Михаил Никифорович (1810–1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости». В 30-ые годы примыкал к философскому кружку Станкевича, проповедовавшему просветительные и гуманистические идеалы. С начала 60-ых годов — апологет правительственного курса, один из вдохновителей контрреформ.
(обратно)

84

Ростислав Андреевич Фадеев.
(обратно)

Мильтон (Milton) Джон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель. В период английской буржуазной революции XVII века — сторонник индипендентов. В поэмах «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) в библейских образах аллегорически выразил революционные идеи, поставил вопрос о праве человека преступать освященную богом мораль.

(обратно)

«Издание теософических исследований» или «Издание Теософического Общества».

(обратно)

...епископальная церковь — синоним англиканской церкви. Англиканская церковь, протестантская, в Великобритании — государственная. Возникла в XVI веке. По культу и организационным принципам ближе других к католической. Здесь речь идет об англиканской церкви Соединенных Штатов.

(обратно)

«Люцифер — архиепископу Кентерберийскому».

(обратно)

Примас (от лат. *primas* — первенствующий) — в католической и англиканской церквях почетный титул главнейших епископов.

(обратно)

Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) — русский химик-органик, основатель казанской научной школы, академик Петербургской АН (1871).

(обратно)

«Что мне Гекуба и что я Гекубе...» — перефраз реплики Гамлета «Что ему Гекуба, что он Гекубе, чтоб о ней рыдать» (Шекспир «Гамлет», акт II, сцена 2).

(обратно)

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — генерал от инфантерии, участник многих кампаний. В русско-турецкую войну успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке-Шеиново.

(обратно)

93

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) — русский публицист, поэт, издатель газет «День», «Москва», «Русь». Сын писателя С. Т. Аксакова. Утверждал идеи славянофильства и панславизма. В годы русско-турецкой войны организовал кампанию в поддержку южных славян.

(обратно)

94

Бисмарк (Bismarck) Отто фон Шенхаузен (1815–1898) — князь, 1-й рейхсканцлер германской империи в 1871–1890 гг. Осуществил объединение Германии на прусско-милитар. основе. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882 г., направленного против Франции и России. Но при этом считал, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии.

(обратно)

95

Баттенберг (Battenberg) Александр. (1857–1893) — немецкий принц, князь Болгарии (1879–1886). Стремился превратить страну в оплот австро-германского влияния на Балканах, но вынужден был отречься от престола под давлением болгарских офицеров-русофилов.

(обратно)

96

Солсбери (Salisbury) Роберт Артур Толбот (1830–1903) — маркиз, премьер-министр Великобритании в 1885–1892 (с перерывом), 1895–1902. Лидер консерваторов. В 1878–1880 министр иностранных дел. Правительство Солсбери развязало англо-бурскую войну 1899–1902.

(обратно)

97

tutti quanti (ит.) — и всякие другие; и все прочие; и пр., и пр.; поголовно все.

(обратно)

98

Точно так и «Русский Вестник» ныне, напечатав 29 глав нападок на нее г. Соловьева, отказался поместить их опровержение, которое я должна была издать отдельно.

(обратно)

99

Капище (от старославянского капь — изображение, идол) — культовое сооружение славян в дохристианское время.

(обратно)

100

Полный титул этих «избранных» членов Общества, желавших себя окончательно посвятить не теософическим только занятиям, а таинствам оккультизма, таков «Член эзотерической секции ложи Блаватской Лондонского Теософического Общества».

(обратно)

101

...Кузьма-Прутковское изречение — Козьма Прутков литературный псевдоним, под которым в журналах «Современник» и «Искра» в 50-е годы XIX века писали А. К. Толстой и братья Жемчужниковы. Сатирический образ Козьмы Пруткова пародировал умственный застой, политическую «благонамеренность», литературное эпигонство.

(обратно)

102

Секретари Елены Петровны Блаватской.

(обратно)

103

Диффамация (от лат. *diffamo* — порочу) — распространение о ком-нибудь порочащих сведений.

(обратно)

104

Зоил — древнегреческий философ и ритор IV века до н. э. Ученик Сократа. Представитель ранней критики гомеровского текста. В XIX веке имя Зоила стало нарицательным для обозначения придирчивого, недоброжелательного и язвительного критика.

(обратно)

105

«Теософическое обозрение»

(обратно)

106

«Труды ложи Блаватской». Ложами назывались местные отделения Теософического Общества.

(обратно)

107

«Н. Р. В.» — заглавные буквы имени Елены Петровны Блаватской, которыми все близкие в Англии ее и называли, по тамошнему обычаю.

(обратно)

108

«Ров и луч».
(обратно)

109

Испанец, представитель ветви Теософического общества в Мадриде.
(обратно)

110

Profession de foi (фр) — исповедание веры, кредо. Why I became a Theosophist (англ) — «Почему я стала теософисткой».
(обратно)

111

Такие пожертвования часто давали Блаватской возможность поддерживать многие благотворительные учреждения: школы, библиотеки Теософического Общества в Индии; но в Англии она ничего еще дотоле не предпринимала общественного, довольствуясь лишь помощью бедным членам их братства.
(обратно)

112

На 300 человек, но теперь ее перестраивают за невозможностью вместить всех желающих бывать на лекциях.
(обратно)

113

Елена Петровна Блаватская завещала, чтобы тело ее было кремировано.
(обратно)

114

Нирвана (санскр. — угасание). В буддийской религии — состояние, «высшего блаженства», понимаемое как освобождение от всех жизненных забот и стремлений, отрешение от всего личного и слияние с «божественной первоосновой». В XIX веке было использовано некоторыми философами (Шопенгауэр и др.).
(обратно)

115

Третья часть этого сочинения написана и скоро выйдет из печати; четвертой же уж никогда не появиться. Хорошо, что сочинение это в каждой части своей представляет отдельное, вполне самостоятельное целое.
(обратно)

116

Разумеется, нашлось много и насмешников, и хулителей, но — утешительно, что хвалы ее уму и деятельности опираются на сочинения ее и факты, тогда как брань ее врагов — бездоказательна.

(обратно)

117

Фонд имени Е. П. Блаватской.

(обратно)

Оглавление

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI